

Дарья Волкова

МАЛЫШ, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ ПОД КРЫШЕЙ

Дарья Александровна Волкова

Малыш, который живет под крышей

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66548472

Малыш, который живет под крышей: АСТ; Москва; 2021

ISBN 978-5-17-144739-7

Аннотация

У вас нет шансов не влюбиться в героев этой книги!

Женщина и мужчина случайно встретились в непогожий день на автозаправке, и вся прошлая жизнь словно исчезла, растаяла, не оставив ни малейшего следа. Страсть оглушила их, отняла благоразумие, заставила совершать фантастические поступки, которые со стороны понять просто невозможно. Любовь для них – катастрофа. Они крепко держатся за руки, но, кажется, только для того, чтобы ненароком не убить друг друга...

Содержание

Объект первый: трасса Е-95	5
Объект второй: Васильевский остров	31
Объект третий: инженерный замок	45
Объект четвертый: Петроградка	63
Объект пятый: Фонтанка	82
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Денис Волков

Малыш, который

живет под крышей

© Д. Волкова, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Объект первый: трасса Е-95

Слушай, что-то мне вдруг так домой захотелось...

В какой-то рекламе, то ли шоколадных батончиков, то ли жвачки, в общем, того, что мигом решает все проблемы персонажей телевизионных роликов – так в этой рекламе, после бурной ссоры, молодого мужчину выкидывает из машины длинноногая блондинка. Пострадавший бодро применяет по назначению рекламируемый объект – то ли шоколадный батончик, то ли жвачку (но не прокладки и тампоны – это точно!), и его тут же подбирает с обочины другая длинноногая красотка – еще краше, ногастей и блондинистей предыдущей. И они уезжают на красном спортивном автомобиле по прямой дороге, уходящей в горизонт.

Вот бы в жизни так.

Грёбанный март. Грёбанный ветер. Грёбаная грязь на обочине. И расчудесная трижды грёбаная Яночка, которая выкинула его. Выкинула из его собственной машины!

Макс бы уверен, что она вернётся за ним. Ну, подумаешь, поругались. Ну, подумаешь, он назвал ее... Разнообразно называл. И даже пару раз очень грубо. И подумаешь, что это именно он орал, что она его достала, и чтобы остановила машину. Что с того? Это же не повод бросать его где-то райо-

не Бологого в марте месяце, на грязной обочине. В джинсах, рубашке и кедах.

Жидкая грязь хлюпала под ногами. Кеды промокли насквозь. Проезжающие фуры щедро обдавали Макса ледяными брызгами всё той же грязи из-под колёс. И никакого намёка на блондинку на красном спорткаре. Или хотя бы на грёбаную Яночку на его «вольво».

Макс шлёпал в промокших кедах по обочине трассы федерального значения «Е-95», ёжась под порывами сырого ветра, и зло рассуждал. Всё предельно ясно. Выделяется Яночка. В последние несколько месяцев это всё более явно сквозило в ее поступках – желание поставить его, Макса, в положение выбора. Когда он должен показать, что она для него значит. Дождлся. И то, что он оказался в такой идиотской ситуации – всего лишь следствие этой дурной тенденции. Яночке подружки и маменька все уши прожужжали. А она ему соответственно. О необходимости серьёзных отношений. О том, что пора переходить на новый уровень. Перешли. Зашибись.

Он изначально не хотел ее брать с собой. Деловая поездка, исключительно деловая. В одно проектное бюро в Подмоскowie, совсем недавно еще бывшее ведомственным и немножечко закрытым. Встреча с серьёзными людьми, пусть и в гражданском, но в чинах не ниже подполковника. И то, что Макс и его проекты заинтересовали таких людей – уже чертовски для него важно. До Яночки ли тут? Но она вцепилась

голодным клещом. Измором взяла. Ревновала, что ли? В общем, поехали вдвоём. И всё было до определенного момента неплохо. До обратной дороги.

Встреча прошла не так, как Макс ожидал. Не совсем провально для него, но определенное разочарование имело место быть. А Яночка только подливала масла в огонь. В ресторане их недостаточно быстро обслужили – всё потому, по мнению Яночки, что Макс не слишком солидно выглядел. Он сразу после окончания встречи переоделся из приличного костюма, который теперь аккуратно висел в машине на вешалке, закреплённой позади переднего пассажирского сиденья. Переоделся в джинсы и кеды. Из того, в чем он ходил на встречу в проектное бюро, на нем осталась только нежно-розовая (подарок всё той же Яночки) рубашка. И именно из-за его внешнего вида Яночке привиделись недочёты в обслуживании. Она долго пила кофе и фыркала. Принесшей счёт девушке высказала всё, что думала об уровне сервиса, самом заведении и официантке лично. Та снесла всё молча, что еще больше завело Яночку. А Макс какого-то лешего и, собственно, явно в пику Яночке, оставил чаевые раза в три больше общепринятого.

Из ресторана они вышли, уже ругаясь. Правда, потом Яночка поутихла – в машине. Ластилась, заигрывала, удостоила чести визита ширинку на его джинсах, шёпотом, на ухо, обещала оральные радости – по возвращении, разумеется. Но, посопев пару минут, удовольствие все же пришлось

прервать – не время и не место: около трех часов дня на парковке ресторана. Однако настроение у Макса несколько приподнялось. У обоих приподнялось. Поэтому, когда Яночка робко попросилась за руль, наглаживая Максу затылок – он великодушно согласился. Машину она водит неплохо. Для женщины неплохо. А он сегодня реально затрахался. Они поменялись местами. И это было очень сильно зря.

Потому что то, что сам Макс посчитал щедрым жестом со своей стороны – он предпочитал никого не пускать за руль своей машины – Яночка восприняла как акт капитуляции. И принялась прессовать его всерьёз. Они вместе уже больше года. Последние пять месяцев живут вместе – в квартире Макса. И в голове Яночки явно уже не один месяц звучали свадебные колокола. Да вот беда – их слышала только Яночка. Ну, еще ее маменька и подружки. А Макс – нет. Он упорно игнорировал все намёки: «Ах, смотри какой красивый свадебный лимузин!», «Масюша, давай заведём собаку...», «А ты не хочешь переехать за город? Там чистый воздух». Дудки. Свадебные лимузины – пошлость. От собаки – шерсть, и ему некогда с ней гулять. И он хочет жить в пентхаусе с видом на Финский залив. И когда-нибудь он именно так и будет жить.

Слово за слово они разругались в дым. Так, что перекрикивали Вилле Вало из динамиков. А в итоге Макс проорал, что не может находиться в одной машине с такой тупой курицей, «Вольво» с визгом затормозил, и он от души хлопнул

дверцей, предварительно бросив на прощание в салон: «Дура набитая! Достоинство одно – сосёшь хорошо!». И его тут же обдало грязью из-под колёс. И это было только начало.

Теперь он был весь в серых пятнышках грязи – и нежно-розовая рубашка, и светло-голубые джинсы. И синие кеды, в которых так удобно нажимать на педали, промокли насквозь. И лицо, наверное, тоже грязное. Ни денег, ни телефона – всё это осталось в машине. Ни самой машины, собственно. Только грязная обочина трассы Е-95. Зашибись. Грёбаная Яночка. Грёбанный придурок он сам, что оказался выброшенным из собственной машины без денег и телефона.

Трасса пошла на поворот, и Макс вместе с ней. Глупо идти. Не дойдёт же он пешком до Питера? Но стоять холодно, а подбрасывать его никто не торопился. Можно было встать и проголосовать. Но Макс отчего-то брёл вперёд. Наверное, потому что думалось ему на ходу всегда хорошо. А сейчас подумать было о чем.

За поворотом ему гостеприимно сверкнула яркими огнями заправка. Господи, он никогда так не радовался автомобильным заправкам! Там тепло и можно согреться. Там туалет, куда уже очень сильно хочется, а справлять малую нужду на улице воспитание не позволяло. Макс прибавил шаг.

Он успел прошмыгнуть мимо охранника в туалет. Но дураком Макс не был и понимал – всё против него. С камер заправки явно видно, что он притопал пешком. Да и внеш-

ний вид у Макса тоже... тот еще.

Он подержал ладони под горячей водой. Здорово-то как... Ручка двери дёрнулась. Ну да, конечно. Хорошего понемножку. Если он не выйдет – с них станется и дверь выломать, потому что всё это выглядит явно весьма подозрительно. А может, рассказать охраннику всё как есть, попросить телефон? Ну, люди же они, не звери. Позвонить Косте, тот отправится за ним и часа через три или четыре, как повезёт выскочить из города, будет тут.

Макс представил, как его друг и деловой партнёр Костя Драгин станет ржать над ним. Нет, Костян, несомненно, придет. И обязательно выручит. Но житья же потом не даст, и будет ржать и подкалывать его этой ситуацией по поводу и без. Ручка двери в туалет еще раз дёрнулась. «Эй, парень!» – послышалось из-за двери. Не звери, люди? Наверное, но явно не очень благорасположенные к нему люди.

Охранник за дверью уже держал руку на поясе – на дубинке.

– Всё, всё, ухожу, – как мог миролюбивее пробормотал Макс.

– Вали давай, и быстро! – ответили ему совсем недружелюбно.

Вот так, меньше чем за час ты превращаешься из успешного человека на собственном авто в того, на кого подозрительно косится охранник на заправке. Головокружительная смена социальных ролей, что тут скажешь.

Мартовский ветер показался ему еще холоднее. Ну, что делать будем? Падение ниц перед персоналом заправки, просьба позвонить по чужому телефону, и Костян в роли Чипа и Дейла в одном лице – это вариант реальный. Но пусть он будет крайним.

От заправочной колонки, утробно рыкнув, отъехала машина. Отъехала и встала недалеко от выезда на трассу. Вылезшая из серого «субаря» фигура принялась протирать фары. А Макс понял, что нужно сделать.

Еще когда отогревал руки под водой в туалете, глянул на себя в зеркало. И увидел кое-что, о чем забыл. Нагрудный карман рубашки, а в нем паспорт. В бюро был вход по паспортам, да потом так и остался документ в рубашке. Стало быть, Макс – человек. Потому что у него документ есть. И соответственно есть шансы. У него есть шансы и природное обаяние. Сейчас пойдёт и уболтает парня на сером «субаре» подбросить его до Питера. Давай, Макс, соберись. Это лучше, чем полгода по любому поводу слушать «гыыы» от Костяна.

И Макс решительно двинулся вперед.

– Привет.

Протиравший фары парень разогнулся. И оказался девушкой. Чёрт! Вот как так-то? Хотя обмануться издали было несложно – не мелкий рост, волосы прикрывает бесформенная тёмная шапка, наличие или отсутствие бюста затрудняет определить стёганный жилет. Но глаза – большие, чер-

ные и подкрашены. Губы женские, хотя овал лица немного угловатый. Нет, всё равно – девушка.

– Привет, – закашлялся и повторил: – Привет.

– По воскресеньям не подаю.

И голос у нее низкий, и с хрипотцой. Но всё же женский. Она снова нагнулась и принялась тереть фару. Задница в синих джинсах поджарая. Тьфу, о чем он думает и куда смотрит?

– Мне подачки не нужны.

– Ну вот и отвали.

Начало разговора вышло неудачным.

– Давай помогу.

– Руки убери от моей машины.

Продолжение тоже неудачное. Макс вдруг начал злиться. Он с утра вел переговоры с двумя полковниками и одним генералом! А теперь стоит и уламывает какую-то кикимору, которую с первого взгляда и за девушку-то сложно принять.

– Слушай, ну хотя бы женское добросердечие в тебе есть? Или любопытство?

– Бита у меня есть. В багажнике. Для девушки – незамеченная вещь. Отойди.

– Послушай. Пожалуйста. Я попал в неприятную ситуацию. Мне нужна помощь.

– Ты глухой? Говорю же – не подаю по воскресеньям! Уйди с дороги.

– Да не нужны мне деньги!

– Да ну? – Она обернулась от водительской дверцы. В глазах промелькнула слабая тень любопытства. – А чего надо?
– Ты в Питер едешь?
– Ну. Предположим.
– Довези. Я заплачу!
– Так с этого и надо было начинать, – неговорчивая девица улыбнулась. – А ты мямлишь, как баба.

Макс вздохнул. Абсурдный разговор. Абсурдная ситуация. Она с самого начала была абсурдная. И из всех водителей на этой грёбанной заправке Макс выбрал самого неадекватного. Нет, ну а что? Вляпываться – так по-крупному.

– Только я тебе на месте заплачу. Как приедем.
– Не-а, – покачала девица головой. – Не внушаешь ты доверия, парень. Деньги вперёд.

– Тут такое дело... У меня нет с собой денег. Ничего нет! Ни денег, ни телефона. С девушкой своей поссорился, психанул, выскочил из машины, а она уехала. И не вернулась.

– Я бы к такому тоже не вернулась.
– Слушай, – Макс вдруг почувствовал, как некстати зашвербело в носу. Едва успел отвернуться и звонко чихнул. Ко всем своим радостям он еще и простыл. – Я тебе дам денег. Правда. Я вполне... состоятельный.

– Ты грязный, с красным носом и похож на бомжа, – услужливо сообщила ему девушка. – А не на состоятельного человека.

– Я, между прочим, вполне успешный архитектор! – со-

вершенно не к месту возмутился Макс.

– А Евтушенко скульпторов не так описывает, – вдруг совершенно не к месту пробормотала девушка.

– Я архитектор, а не скульптор. Архитектурный факультет Питерского ГАСУ. Это раз. А ты не похожа не человека, знающего наизусть стихи Евтушенко – это два! – Макса, что называется, «закусило».

– А это мама моя их любит, – неожиданно не стала ввязываться в конфликт черноглазая. – А я стихов не знаю, тут ты прав.

– Извини. – Абсурдность ситуации зашкаливала за все допустимые пределы. Сейчас еще не хватало только со своей гипотетической спасительницей из-за Евтушенко поругаться. – Слушай, я тебе заплачу. Сколько скажешь, правда. Ты меня до дому только довези, и я тебе обязательно денег дам.

– А вдруг ты маньяк или насильник?

– И не мечтай!

После этих собственных слов ему захотелось вклеить себе подзатыльник. Или даже два. Что он несёт? Владелица спасительного «субаря» тоже смотрела на него, как на придурка.

– Паспорт! – неожиданно вспомнил Макс. – У меня паспорт есть! Держи. – Он вытащил из кармана рубашки книжицу в тонкой черной кожаной обложке, протянул. Вообще, это категорически запрещено законодательством, но ему сейчас было плевать. – Возьми. Отдашь, когда я тебе заплачу. Заодно убедишься, что я не маньяк.

– А что там у тебя в паспорте так и написано: «Не маньяк»? – Она не торопилась брать в руки его паспорт.

– Угу. Так и написано.

– Любопытно.

А потом она все-таки взяла паспорт. Каким-то таким уверенным движением, словно делает это десяток раз за день. Похлопала паспортом по ладони. Усмехнулась.

– Ну-с. Посмотрим, что у нас тут за «не маньяк». – Открыла первую страницу. Тёмная бровь выгнулась. – Максим, значит?

– Максимилиан.

– Валерьевич? – Она явно сознательно игнорировала написанное на гербовой бумаге.

– Валерианович.

– Малыш.

– Мálыш!

– Эко тебя угораздило, – сокрушённо покачала головой девица. – Совсем убогий. Что за фамилия нелепая?

– Нормальная польская фамилия, – буркнул Макс.

– Так господин из панов? – Девица неожиданно развеселилась.

– Частично.

– Приятно познакомиться! – Она протянула руку – другую, в которой не было паспорта. – Моя фамилия Сусанин.

Тут Макс не выдержал и расхохотался. А ладонь у «Сусанина» оказалось сухой, тёплой и твёрдой.

– Ладно. – Девушка совершенно непочтительно сунула его паспорт в задний карман джинсов.

Макс вздохнул, но вякать не стал.

– Так и быть, поехали. Три тысячи.

– Замётано!

– В дороге не спать!

– Хорошо.

– Анекдоты рассказывать умеешь?

– Да чего там уметь?

– Ну, вот и хорошо. Будешь меня развлекать. А то меня что-то срубить уже стало.

В машине на Макса вдруг напал озноб. Вроде бы в тепло попал, после сырого мартовского ветра, а вместо того, чтобы согреться, его стала вдруг бить дрожь – крупная, и не унималась никак.

Черноглазая молча прибавила градус в печке, вентилятор загудел сильнее, нагнетая тёплый воздух. Дрожь стала понемногу отпускать.

– Если можно, включи поток в ноги. – Промокшие кеды противно леденили стопы.

– Не вопрос. – Девушка еще раз щёлкнула тумблерами печки. – Значит, ты – Малыш?

– А ты, стало быть, Карлсон? – в тон ей ответил Макс, шевеля пальцами в кедах. Скорее бы тепло пошло...

– А что? Дикое, симпатичное и с мотором... – сказала она

задумчивым тоном, перестраиваясь в левую полосу. А потом, вдруг неожиданно: – Ты ноги сегодня мыл?

– Я сегодня весь мылся. А к чему эти интимные подробности? Телом расплачиваться не буду!

– Размечтался... – Девушка припомнила ему «Карлсона». – Снимай кеды. Всё равно они мокрые, а ты так не согреешься. Вон трясешься так, что у меня вибрация по рулю идёт. Но учти, если начнёт вонять...

– Не начнёт!

Грех было не воспользоваться таким щедрым предложением. Мокрые шнурки с трудом поддавались пальцам, но Макс их все-таки победил. Стащил кеды, носки, всё это задвинул подальше под поток горячего воздуха. И, правда, сразу стало теплее.

– Ты всегда так едешь? Или передо мной выпендриваешься?

Наверное, он слегка обнаглел. Но она его уже не высадит, Макс был уверен.

– Чего мне перед тобой выпендриваться? – Они, как мимо стоячей, пролетели мимо очередной фуры. – Я тебя вижу в первый и в последний раз в жизни. Просто домой хочу. Очень.

– Дорога мокрая... – с тоской пробормотал Макс.

Он так себе не позволял ездить. По крайней мере, не по мокрой трассе. Не в сумерках.

– Резина хорошая, за рулём профессионал. Спокойствие,

Малыш, только спокойствие. У меня права десять лет.

На это Макс предпочёл не отвечать. Он сам получил права шесть лет назад и считал себя опытным водителем. А тут какая-то девица...

– Ну, давай, рассказывай.

– Что рассказывать? Ты хоть тему обозначь, что тебе интересно?

– Как космические корабли бороздят Большой театр. И почему ты все-таки Малыш.

– М^алыш – обыкновенная польская фамилия. У меня отец – поляк. Валериан М^алыш.

– Я догадалась. А мать?

– Русская.

– Вот как? А дальше? Ну, что я из тебя по одному слову вытаскиваю? Обещал развлекать – развлекай.

– Давай, я тебе лучше анекдот расскажу, – выкладывать всю историю своей семьи Макс^у совершенно не хотелось.

– Давай, – легко согласилась чернявая.

Анекдотов и баек Макс знал много – спасибо Костяну, регулярно просвещал. Так что следующие полчаса прошли в непринуждённой обстановке. А потом в возникшей паузе у Макса вдруг некстати заурчало в животе. Зря он модничал в ресторане в Москве – то небольшое, что он там съел, бесследно сгорело в адреналиновой топке при марш-броске по трассе.

– На заднем сиденье пакет, – отреагировала на бурчание

чернявая.

– И что?

– Достань.

Велено – сделано.

– Там баночка с энергетиком – это мне. А тебе бутерброды. Распакуй. И бутылка с компотом должна быть.

Макс послушно пошуршал содержимым пакета. Достал потребованный энергетик.

– Слушай, но это же сплошная химия.

– Химия – не химия, но без этого я засну за рулём. Давай сюда. И бери бутерброды.

– А ты?

– Я не буду. Мне родственники в дорогу насобирали. Но я всё равно есть не буду. Иначе в сон потянет. А я и без этого...

Макс вредничать не стал. Развернул пищевую плёнку и, недолго думая, впился зубами. Вкусно. Или это просто он голодный?

– С чем бутерброд? – Он с трудом подавлял желание заурчать от удовольствия.

– Понятия не имею. – «Карлсон» поставила баночку в специальную подставку-держатель. – Тётя делала. Я всё равно есть не собиралась. Вкусно?

– Вкусно!

И не слукавил. Белый хлеб, майонез, какое-то мясо и тонко нарезанный огурец. С голодухи – просто нереально вкусно. Главное, не чавкать.

– На здоровье. Тёте передам, что бутерброды ей удались, – хмыкнула девица. А потом вдруг что-то пикнуло, музыка стихла, и «Карлсон» произнесла совершенно другим голосом: – Привет, мам.

– Здравствуй, Кирочка, – донёсся из динамиков энергичный женский голос. – Ты как?

– Нормально, мам. Через пару часов буду дома.

Макс с любопытством покосился на свою «водительницу». Оказывается, простенькая с виду «субара» оборудована системой громкой связи. Да и смена тона и самой манеры общения интриговала. Но бутерброд интриговал больше.

– Как дядя Боря?

– Молодцом, мам. Он держится. Тётя Люба – тоже.

Максу показалось, что тон черноглазой, как выяснилось, Киры, стал чуточку торопливым. – Передавали тебе привет.

– Ох... Надо было с тобой ехать. Ладно. – Женщина из динамика сама себя остановила. – В другой раз. Кирюша, ты едешь аккуратно?

– Конечно. Сто километров в час, мам, я знаю правила.

Макс подавился бутербродом от такого вопиющего вранья. Закашлялся.

– Кира... – Голос в динамиках похолодел. – Кто с тобой в машине?

Кира бросила на Макса красноречивый взгляд. Очень красноречивый.

– Я взяла пассажира. Он оплатил бензин.

Макс машинально отметил прошедшее время.

– Кирочка... – Голос в динамиках зазвучал угрожающе-проникновенно. – Тебе озвучить статистику о пропавших без вести по Питеру и Ленобласти? А по найденным неопознанным трупам?

– Мама!

– Не «мамкай»! Кто он?!

– У меня его паспорт! Он нормальный!

– Что значит «нормальный»? Кого ты там подобрала на трассе? Алкаша какого-то?

– Мама, он совершенно нормальный!

Макс практически физически чувствовал, с каким нажимом произносится каждое слово.

– Он архитектор. Из Питера.

Какое-то время динамики молчали.

– Архитектор? Паспорт видела, говоришь? Диктуй данные, я проверю. Как раз за компьютером.

– Мам, ты на работе, что ли?

– Да. Николай Васильевич попросил выйти, кое-что сделать нужно срочно. Диктуй.

Его данные продиктовали. Из динамиков явственно слышались щелчки клавиатуры.

– Нет. Ни одного Мálыша нету. Чисто. Кира?

– Да.

– Ты его паспорт хорошо рассмотрела? – Голос в динамиках стал немного другой. Заинтересованный.

Кира-Карлсон издала неразборчивое мычание.

– Сколько ему лет?

– Примерно мой ровесник. – Тон девушки был странно мрачен.

– Что там со страницей «семейное положение»? Кольцо на пальце есть?

– Мама, перестань, пожалуйста!

– Что «перестань»? У тебя в машине молодой, возможно, неженатый мужчина интеллигентной профессии. Он симпатичный?

– Немочь бледная. Тощий и страшный.

Тут Макс не выдержал. И подал голос:

– Я вполне симпатичный. И не женат. Если вас это интересует. Здравствуйте... кстати.

Кира покрутила пальцем у виска. Макс не выдержал и дёрнул ее руку обратно на руль. Сам покрутил пальцем у виска. Кира в ответ показала ему язык. Детский сад. Динамки угрожающе молчали.

– Значит, молодой, симпатичный, неженатый архитектор... – наконец задумчиво произнёс женский голос.

«А я еще я вышивать умею. И на машинке строчить» – у Макса хватило ума не произнести это вслух.

– Вы петербуржец? – продолжился допрос.

– Коренной.

– Чем на жизнь нынче архитекторы зарабатывают?

– Дома проектируем. Перепланировка. Реконструкция. В

общем, никакой работой не гнушаемся. – Макс, против своей воли, начал улыбаться.

– Почему до сих пор не женаты?

От прямоты вопроса Макс снова закашлялся. А, может, это простуда уже началась.

– Да как-то... знаете... не сложилось. Работа, карьера, бизнес собственный недавно открыл. Но я не теряю надежды.

Кира сделала характерный жест, будто сворачивает кому-то шею. «За руль держись», – почти беззвучно прошептал он в ответ.

– Ну-ну, – задумчиво протянул голос из динамиков. – Значит так, молодой человек. Слушайте меня внимательно. С вами говорит капитан полиции Биктагирова Раиса Андреевна, заместитель начальника экспертно-криминалистического отдела главного следственного управления города Санкт-Петербурга. Мне известно ваше имя. Я знаю, что вы едете в одной машине с моей дочерью. И если через два часа она не появится дома...

– Через два с половиной, мам.

– Хорошо. Так вот. В этом случае через два часа тридцать две минуты по адресу вашего постоянного проживания выйдет группа быстрого реагирования. В бронежилетах и с автоматами. Вам всё ясно?

Смешно. Да не очень. Резковаты переходы от маньяка к потенциальному жениху и обратно.

– Так точно, товарищ капитан. Буду беречь вашу дочь как зеницу ока. Пыль с нее сдувать.

– Вольно. Кирочка, как подъедешь – позвони. Выйду, помогу сумки донести. Люба там, поди, насобираала солений-варений, да?

– Да, мама. Обязательно позвоню, как подъеду.

Снова что-то щёлкнуло, вновь заиграла музыка. И какое-то время, кроме гитарных басов и ударных, не было слышно ничего. Макс смотрел на ее руки, лежащие на руле. Черные кожаные перчатки с неровно обрезанными пальцами. Руки у нее крупные, пальцы длинные. Барабанят по рулю. Молчит и пальцами барабанит. И тут Макс понял, что удары пальцев по рулю не просто так, а ровно в такт несущейся из динамиков музыке. Ритм быстрый, сложный, а она попадает. Вот поди же ты...

– Сволочь ты неблагодарная, Малыш. Я тебя подобрала, обогрела, накормила. А ты...

– Извини.

– Кто тебя за язык тянул?! Ты мог жевать молча?

– Что, сильно тебя подставил?

– Да мне теперь месяц житья не будет! – Кира шлёпнула ладонью по рулю. – Симпатичный холостой архитектор! Мечта, а не мужчина! О-о! Придумала. Скажу маме, что ты гей.

– Скажи, – согласно кивнул Макс и принялся снова за бутерброд. – Это же у нас теперь не уголовно наказуемое дея-

ние? А то опять – автоматчики, бронежилеты...

– Статью за мужеложство отменили лет двадцать назад. Хотя маменька моя полагает, что совершенно зря.

Макс хмыкнул. Краткого и шапочного знакомства с Раисой Андреевной хватило, чтобы не удивиться такому обстоятельству.

– А она что, действительно криминалист?

– Самый настоящий эксперт-криминалист. Университет МВД, факультет криминалистики, следственный комитет.

– Круто.

Макс раньше думал, что у него маменька – дама суровая. Раиса Андреевна, судя по всему, дала бы Нине Фёдоровне Горенко сто очков вперёд.

– А ты, значит, Кира?

Ответа не последовало.

– Кира Биктагирова?

– «Артуровну» пропустил.

Машина сбавила ход, перестроилась в правый ряд, вниз поползло стекло, а Кира щёлкнула зажигалкой. Макс поморщился – терпеть не мог табачный дым, но не в его положении сейчас фыркать. Девушка затянулась, выдохнула дым в щель.

– Раз уж у нас пошёл такой интим, изволь величать по полной форме: Кира Артуровна Биктагирова.

– Внушает.

И в самом деле внушает. Звучное у нее имя. Звучит и «ры-

чит».

– Встаёт закономерный вопрос о национальности.

– Отец – татарин. По его собственному утверждению... Матери он так рассказывал... Из бухарских ханов, – Кира как-то недобро усмехнулась.

– Бухарский – от слова «бухать»?

– Вроде того. Не умел, но любил. Ну и допился, в конце концов.

– Извини.

– Ерунда. Я его всё равно почти не знала, он ушёл, когда мне чуть больше года было.

Они какое-то время помолчали. Кира докурила, упаковала окурки в пепельницу. Закрыла окно.

– А в каком звании Кира Артуровна? – Молчать было странно.

– В гражданском. Где там твои анекдоты, Максимилиан Валерианович?

Город встретил их дождём и рассосавшимися к вечеру воскресенья пробками.

– Тебя по тому адресу, что в паспорте?

– Угу. На Васильевский.

Уже минут пять, пока машина ехала в сторону Благовещенского моста, Макса грызла мысль. А если Яночке хватило ума не поехать к нему? Вот приедут они сейчас к его дому на Шестой линии, а там нет никого. А он ведь денег Ки-

ре должен. А какие деньги, если там не будет Яночки? Ключей-то у него нет.

Облегчение, когда он высмотрел свои окна на четвёртом этаже с зажжённым светом, было практически физически ощутимым. Ну, вот, невыполнимая миссия исполнена. Человек, выброшенный из машины на трассе «Е-95», вернулся домой. Сам. Злой.

– Вторая парадная. Ага, здесь. Я быстро.

– Подожди, – Кира приподнялась на сиденье, достала из заднего кармана его паспорт. Слегка изогнутый, принявший форму девичьей попы – как некстати подумал Макс. – Держи.

– Но... деньги...

– Надо доверять людям. Давай, шуруй за деньгами, Малыш. Одна нога здесь, другая там. А то я так устала...

– Я сейчас.

– Макс! – Яночка кинулась к нему на шею. – Я так переживала! Так переживала, ты не представляешь! Прости меня, я...

– Где мой бумажник? – Он убрал ее руки со своей шеи.

– Зачем тебе бумажник? Ты что думаешь, я тебя ограбила, что ли? Макс, ты совсем с ума...

– Где? Мой? Бумажник?

– Да вон, на полке! Макс, что происходит? Ты... с тобой всё...

Макс не слушал. Молча забрал кошелёк, ключи. И вышел, от души хлопнув дверью. А серого «субаря» у парадной не оказалось.

Странно всё это. Макс сел на мокрую лавочку, даже не поморщившись от холода деревянных плашек. Дождь едва капал.

Нет, ну странно, правда же. Паспорт отдала. Денег не дождалась. Зачем? Почему? Где логика? И откуда это нелепое чувство разочарования? А, впрочем, баба с возу – кобыле легче. И три тысячи сэкономил.

Макс поднялся со скамейки. Ладно, это всё уже в прошлом и пустяки. Главное, он дома. И сейчас кое-кто будет перед ним извиняться. Потом еще раз извиняться. А потом кое-кто упакует свои вещи и свалит из его квартиры. Но это уже – завтра. На ночь нет никакого желания скандал устроить. Сейчас – горячая ванна, ужин и минет. Да, именно в такой последовательности.

– Наелась?

– Да, мам, спасибо, – Кира отодвинула тарелку с остатками противоречащего всем нормам здорового питания позднего ужина.

– Слушай, Кира... – Раиса Андреевна забрала тарелку, заменила ее чашкой. – Зелёный?

– Угу.

– Так вот, Кирочка... А что тот молодой человек в маши-

не? Максим, кажется?

– У него дурацкое имя – Максимилиан. Да высадила я его у подъезда, денег... Деньги он сразу дал. Так что всё ОК.

– Телефонами обменялись?

– Мама!

– Что «мама»? Ты же сама сказала: архитектор, холостой, симпатичный...

– Симпатичный – это он сам про себя так сказал!

– Так что, урод?

– Нет, в принципе. – Кира пригубила чай, вздохнула. – Обычный. Нормальный. Глаза зелёные.

– Во-о-от! Глаза рассмотрела! Значит, понравился.

– Ничего он мне не понравился. И у него девушка есть.

– Девушка – не стенка. Отодвинуть можно.

– Мама, ты...

– Что «я»? – Раиса Андреевна встала за спиной дочери, принялась легко массировать ей плечи. А потом наклонилась и заговорила негромко, в темноволосую макушку: – Кириш, у тебя тридцатник не за горами. В твои годы у меня ты уже в школу ходила.

– Мама, сейчас другое время.

– Время другое, а люди те же. Ты у меня умная, красивая, порядочная девочка. Тебе положено быть замужем.

– Так то порядочным положено...

Слова Киры прозвучали тихо. Но Раиса Андреевна слышала их очень хорошо. Пальцы ее сжались на плечах до-

чери.

– Кирочка, доченька, ты вбила себе в голову какую-то ерунду. То дело прошлое, давным-давно быльём поросло, да и...

– Мам, я спать пойду, ладно? Завтра вставать рано.

– Да выспалась бы с дороги. Ты же человек не подневольный, как я. Чтобы «от» и «до», и по звонку.

– Воли у меня тоже не так уж и много – вон хоть у Оксаны поинтересуйся. И потом, у меня завтра сделка в десять. На Выборгской.

– Ну, тогда иди, конечно. Отдыхай, хорошая моя. И не придумывай себе глупости.

– Спокойной ночи, мам.

Объект второй: Васильевский остров

Вообще-то, мне бы больше хотелось иметь собаку, чем жену.

– Чего это мы такие грустные, Максимилиан Валериянович? – Костя спросил, не оборачиваясь, рисуя маркером что-то невидимое Максу на напольной доске. Как диагноз «грустный» поставил – непонятно.

– Я не грустный.

– Ты из-за встречи в Москве расстроился, что ли? – упорно допытывался Костя, всё так же занимаясь невидимым художеством. – Да не бери в голову. Сразу было понятно, что так просто они не клонут.

– Я лично считаю, что результат встречи скорее положительный, чем отрицательный. Есть там перспективы, – Макс развёл руками, поднял их и потянулся.

– Вот и я так считаю! – Костик, наконец-то, обернулся. – Так что тогда с настроением, шановный пан?

На доске за спиной Кости красовался заяц. Этими зайцами – однообразными и страшными до невозможности, Драгин просто изводил своего партнёра и совладельца архитектурно-строительного бюро «Малыш и К». Макс и рисовал, и чертил прекрасно – образование обязывало. А Костя умел

выбивать деньги из банков, чуют своим длинным носом выгодные проекты и рисовать страшных зайцев.

– Да не выпался просто, – Макс демонстративно зевнул.

– Ай, Яночка, ай баловница.

– Баловница – не то слово.

Костя нахмурился. У друга мрачный тон и отсутствие реакции на очередного зайца.

– А ну-ка, выкладывай. Поругался с Яночкой?

– Нет. Не поругался. Яночка сегодня утром получила команду: «С вещами на выход».

– Вон оно что... – Костя сел к столу и подпёр ладонью щеку. – Суров ты, царь-батюшка. Чем не угодила?

– Всем, – лаконично отвечивал Макс. – Достала.

– Ага-ага... – Драгин взъерошил волосы на затылке. – Чую, был поставлен ребром вопрос: «Или я веду ее в ЗАГС, или она ведёт меня к прокурору».

– Без «или». – Малыш пружинисто встал, подошёл к окну, отвёл в сторону жалюзи. – Пусть валит на все четыре стороны и ищет достойный экземпляр для осчастливливания. Я пас.

– Радикально.

– Честно. – Макс обернулся. – Я попробовал. Мне не понравилось жить с кем-то. Особенно если этот «кто-то» маниакально хочет за меня замуж. Не мое. Я лучше один.

– Зачем ты вообще на это решился – жить с ней?

– Не знаю. Наверное, я латентный мазохист. И разнообразно

зия захотелось. Попробовать: как это жить с кем-то? Эксперимент признан неудачным.

– Ну, тогда да здравствует возвращение холостой жизни Макса Мálыша! – Костя отсалютовал стаканом для карандашей. – Это надо отметить, как в старые добрые времена. В клуб и пара-па-бабам!

– Успеется, – усмехнулся Макс. – Яночка будет еще неделю мне мозг выносить, минимум. Это въехала она ментально. Выезжать будет долго. Будет забывать любимые туфли, зарядник для мобильного, крем для бровей.

– Не бывает крема для бровей, – неуверенно произнёс Костя.

– Ну, какая-то хрень для бровей бывает. Может, не крем. Да какая разница. В любом случае, это тема не быстрая. Вот как последние туфли заберёт – так и завалимся в клуб.

– Договорились!

– Кира, где ты была? Почему не предупредила, что задерживаешься?

– Здравствуй, Оксана. У меня регистрация сделки была. И я...

– Кира, в офисе я – Оксана Сергеевна!

Ага, сейчас, как же. «Сергеевна». Может, еще «Вашим королевским величеством» называть – как во время игр в детстве? Детство кончилось, дорогая сестрица.

– Оксана, повторяю еще раз. Я была в регистрационной

службе. И Владислава Юрьевича я об этом в пятницу предупредила. А ты не хочешь, дорогая моя, спросить меня, как там дела у дяди Бори? Как Лиза и Сёмка? Они и твои родственники, между прочим.

– Ладно, – Оксана поджала губы. – Пойдём в мой кабинет.

Сколько гонору, блин. Кабинет. Будка собачья. Зато персональный закуток с табличкой. «Камышина Оксана Сергеевна, заместитель директора». Все те же детские игры в королеву и ее служанку.

– Сейчас, только схожу покурю.

– Кира!

– Прости, хочу курить – умираю, – Кира сладко улыбнулась. Сама тоже как ребёнок – не может не дразнить двоюродную сестру. – Я быстро. Или могу в твоём *кабинете* покурить.

– Возле входа не кури, – после паузы брезгливо ответила Оксана. – Клиентов распугаешь.

– Конечно-конечно. Я возле помойки курю.

Оксана закатила глаза и уплыла в свой кабинет. А Кира пошла курить к мусорным бакам. На помойку. Туда, где, по мнению ее распрекрасной кузины, Кире самое место.

Как и следовало ожидать, Яночка явилась вечером. Скромный макияж, закрытая одежда – сама поруганная невинность и попранное достоинство. Однако дверь открыла своим ключом – как к себе домой.

– Макс, а я тебе вчера ravioli приготовила... Твои любимые – с шампиньонами. Они в морозилке.

– Можешь и их забрать тоже.

– Ты что, серьёзно? – Она подошла к нему совсем близко. – Макс... Ну, Ма-а-акс... Прости меня! Я же извинилась! И не один раз. Мы же с тобой вчера так славно помирились, нет разве?

– Нет. Тебе показалось. – Это был прощальный минет, но Макс не стал этого говорить вслух.

– Ты всё ещё сердишься? Признаю, я была очень неправa. И больше так не буду, честно! Не знаю, что на меня нашло, но я обещаю, что больше не...

– Ян, не надо. Я всё решил.

– Ты всё решил? А я? А мои чувства? Ну, Масюша... – Она потянулась к нему губами, но Макс увернулся.

– Я начал собирать твои вещи. Помочь? Или дальше сама справишься?

У Яночки пухлые губы, и сейчас они очень эффектно задрожали.

– Ладно, не буду мешать. Пойду, пройдусь.

Дóжил. Выставили из собственного дома. Сначала из машины выкидывают, теперь из дома. Но выносить это представление не было никаких моральных сил.

Далеко Макс не ушёл – до набережной. Подумал – и пошёл по мосту. На середине остановился. Смотрел на тёмную воду, в которой отражался свет фонарей с моста и Универси-

тетской набережной. Вдали виднелись линия огней Дворцового моста и круглая шапка Исаакия. Постоял-постоял, потом замёрз. И пошел в обратную сторону, на Васильевский. Что-то это просто его бич в последнее время – мёрзнуть на улице. Тут некстати вспомнилась черноглазая и нелогичная Кира. Почему уехала, почему денег не дождалась – он так и не смог придумать внятного ответа. Дойдя до конца моста, Макс свернул направо и пошагал по набережной. У сфинксов спустился к воде. Час поздний, туристов уже нет, и можно постоять в одиночестве.

На город незаметно опустился вечер, и чернота воды сливалась с темнотой гранита ступеней. Сверху на Макса бесстрастно смотрел безбородый сфинкс, что когда-то, несколько тысяч лет назад, украшал вход в гробницу фараона – Макс, хоть убей, не смог бы сейчас вспомнить его имя. А когда-то ведь знал точно. Да какой только хреню не была забита его голова тогда, десять лет назад, когда он был еще студентом ГАСУ и каждое лето работал экскурсоводом по протекции тёти Гали.

Макс посмотрел вверх. Одна из городских легенд гласила, что с наступлением темноты у сфинксов меняется выражение лица. Спокойные и умиротворённые с утра, древние стражи египетских пирамид становятся безжалостными и даже угрожающими к вечеру. Макс прищурился. Ничего такого не углядел, да и видно плохо – только шея заболела. Макс погладил по макушке сидящего у подножия ближнего

к мосту грифона. Всем известно, что если положить грифону руку в пасть и потрогать зуб – то сбудется загаданное желание. Да, это тоже городская легенда. Макс задумчиво потёр гладкую бронзу. У него нет особых желаний – всего, чего он хотел, он добивался сам. Его нынешняя мечта – собственная квартира. Не та, что досталась после отъезда матери в далёкое Забайкалье с новым мужем. Эту квартиру Макс, конечно, привёл в порядок и отремонтировал в соответствии со своими понятиями о комфорте. Нет, он мечтал о стенах. Вот, что ему нужно. Голые стены. Пол. Потолок. И панорамное окно с видом на Финский залив. Всё остальное Макс сделает сам. Под себя. Ведь это его работа – проектировать пространство. А здесь он совместит работу и мечту. У архитекторов – своеобразные мечты.

– Кирочка, как успехи с нашим пентхаусом?

Кира очень хотела поморщиться, но не могла себе этого позволить.

– Всё так же, Влад.

Оксана, сидевшая напротив нее, поджала губы. Ах, да, имя-отчество. Но директор и практически единоличный владелец бюро недвижимости «Артемида», где трудилась риелтором Кира, не был сторонником официального тона. По крайней мере, в отношении Киры. Настоятельно просил называть его по имени. Правда, Кира предполагала, что такая фамильярность не имела ничего общего с тягой к де-

мократии. Скорее, это имело отношения к планам самого Владислава Юрьевича Козикова в отношении Киры. Но пока они не слишком явно проявлялись, планы эти. Поэтому, пусть будет Владом – раз человеку так хочется.

– То есть как «так же»?

– То есть, никак.

– Кира! – Голос кухни зазвенел негодованием. – Ты не можешь продать эту квартиру уже год! Шикарное место, экологически чистый район, парк в двух шагах, пятнадцать минут до метро, роскошный пентхаус удачного метража с видом на Финский залив. А ты не можешь...

– Раз это такая прекрасная недвижимость – продавай сама.

– Это не моя работа, – Оксана поправила светлый локон. – Это твоя работа, ты за нее деньги получаешь. Мы тебе доверие оказали, на работу приняли...

Оксана умело объединила себя и Козикова в одно «мы». Влад поморщился, но смолчал.

– Облагодетельствовали убогую... – мягко подпела Кира. – На помойке подобрали...

– Не передёргивай! Но эту работу тебе дали мы, и ты должна быть благодарна...

Надоело всё это!

– Оксана, дорогая моя, скажи-ка мне, у кого из риелторов «Артемиды» самое большое количество сделок за последний год? А общая выручка? А средняя выручка? Я пашу на вас

как папа Карло, и если вас что-то не устраивает...

– Ну что ты, Кирочка! – поспешил вмешаться Влад. – Девочки, не надо ссориться! Но, согласись, Кира, время экспозиции объекта не лезет ни в какие ворота.

– За столько времени не продать такую квартиру... – снова начала Оксана.

– Сама продавай! – обычно Кире удавалось игнорировать выпады сестры, но сегодня отчего-то всё бесило просто ужасно. – Снимите с меня эту квартиру! Или давайте что-то думать с ценой. За эту цену ее вряд ли кто-то купит. Она же завышена раза в полтора как минимум.

– Нет, – отрезал Влад. – Цена не обсуждается. Квартира мне обошлась дорого, и продавать себе в убыток я не буду.

– На «нет» и суда нет. Извините, господа директора, мне надо работать. И ждать идиота, который купит этот чёртов пентхаус за ту цену, что вы назначили.

Кира спустилась с крыльца и сразу же закурила. Оксана ее сегодня умудрилась выбесить. Давно бы уже пора привыкнуть. С самого детства.

Они семь лет прожили под одной крышей. Не так много, если вдуматься. В Кириных годах – с восьми до пятнадцати лет. Впрочем, в Оксаниных тоже – они были ровесницы. После смерти родителей, с разницей в один месяц, сестры Раиса и Наталья, в девичестве – Быковы, оказались владелицами двухкомнатной квартиры на Выборгской стороне, в районе

Сосновки. Их старший брат, Борис Быков, к тому времени окончательно перебрался в Москву и на квартиру не претендовал. А вот сестры – очень даже претендовали, ни у Раисы, ни у Натальи не было собственного жилья. Мужей тоже не было, обе были в разводе, зато по одному ребёнку наличествовало. Разменять крошечную двухкомнатную хрущёвку, пусть и в неплохом районе, на две однокомнатные благоустроенные квартиры не на задворках мира не получилось. В лучшем варианте – квартира и комната в общежитии или коммуналке. Никто из сестёр не захотел поступиться собственными интересами. Так и прожили семь лет вместе – две одиноких женщины и две девочки одного возраста. Одного возраста и совершенно разные по характеру и внешне.

Кира в детстве напоминала чёрта – невысокая, худая, угловатая, с черными волосами и острыми чертами лица. Прыгать в сугробы с гаражей, играть с пацанами зимой в снежки, а летом в футбол – такими были ее любимые забавы. Ну а когда забав во дворе не случалось – тогда она играла дома, с двоюродной сестрой. Игры у совсем не похожей на Киру русоволосой светлокожей Оксаны были однообразны. Она, Оксана – королева, принцесса, повелительница – в общем, главная и красивая. А Кира, непременно – служанка, камеристка (выучила новое слово после прочтения Дюма) – словом, прислуга. Кира пыталась привнести в игру элемент приключений – например, рвануть за подвесками в другую страну. Но Оксана была неумолима – Кире надлежало подавать

принцессе изысканные напитки и кушанья, в роли которых обычно выступали молоко или морс и печенье, восхищаться королевой, сочинять и приносить письма от таинственного возлюбленного.

А потом девочки выросли. И примирить их не могли уже даже игры. У Киры раньше Оксаны, намного раньше обо-значилось грудь. Правда, потом справедливость для Оксаны восторжествовала – первый размер Киры, предмет зависти сестры в четырнадцать лет, так и остался первым. А вот у самой Оксаны всё выросло значительно богаче. Но она всё равно завидовала сестре. Длинным ногам – пожалуй, един-ственное достоинство, которое она признавала у Киры объ-ективно. Способности трескать всё подряд и не толстеть – самой Оксане приходилось тщательно следить за тем, сколь-ко она ест. Лёгкости, с которой сестра находила общий язык с парнями – этому Оксана завидовала особенно. Этим пар-ням в черных кожаных куртках, с наглыми прищуренными глазами и лохматыми головами, с которыми она видела Ки-ру уже потом, когда они стали старше, и все-таки сложилось так, что Раиса и Наталья, в девичестве – Быковы, разъеха-лись. Кириной маме дали, наконец-то, служебную квартиру. И двушку в районе Сосновки обменяли на однокомнатную с доплатой.

Смешно и одновременно нелепо, но эти детские обиды, зависть и непонимание никуда не делись. И когда жизнь Ки-ры, совершив головокружительный кульбит, привела ее в

«Артемиду», где Оксана значилась заместителем директора, а мнила себя еще и совладелицей – тогда вся эта детская возня в песочнице приобрела совсем иные масштабы. Оксана по-прежнему считала себя королевой. Но Кира больше не хотела изображать камеристку – даже в шутку. Какие шутки? Детство давно и как-то внезапно кончилось.

Докурила, бросила окурков в мусорный контейнер. Домой? Да, наверное, домой. Дела еще есть, но ничего срочного, что не могло бы подождать до завтра. Пиликнула сигналкой машины. Зазвонил телефон.

– Слушаю. Да. Конечно, помню. Завтра в три, как договаривались. До встречи.

Улицы города – это его вены и артерии, по которым течёт поток того, что наполняет город. Люди – в машинах, автобусах, маршрутных такси, троллейбусах и трамваях. Большой наземный круг кровообращения мегаполиса. От сердца, которое бьётся в центре – на Сенатской, на Невском, на стрелке Васильевского острова, на шпиле Адмиралтейства – наружу, к спальным районам, к рабочим окраинам.

Кира прибавила громкости. Сегодня в ее машине играет радио, «Серебряный дождь». Гарантированно никакой попсы. За окнами пролетают колонны при въезде на Троицкий мост, мелькают уже зажжённые фонари. А потом ее всасывает в себя длинная кишка Каменноостровского проспекта. По нему пилить по пробкам до самого конца, потом налево,

на Приморский. Три светофора – и Кира дома. Смотрит на часы на приборной панели. Приедет на полчаса, а то и минут на сорок раньше матери. Может успеть. Мама не возражает. Мама любит слушать, как дочь играет. Но мама знает, что если Кира ни с того ни с сего берётся за дарбуку¹ и играет в одиночестве – для себя, значит, дочери тоскливо. Зачем маму расстраивать?

Соседи, вешайтесь, подонки. Впрочем, обычно, не жаловались. Сосед сверху, алкаш дядя Толя даже просил ее иногда сыграть. Можно сказать, что у Киры есть преданный поклонник ее музыкального дара. Наскоро схватив из плетёной корзинки со стола яблоко и укусив его за румяный бок, Кира открыла шкаф и выкатила дарбуку – подарок матери, привезённый из Турции. Пристроилась на стуле, барабан зажала между колен, а яблоко между зубами. Что-нибудь попроще для начала. *Центр – правой с краю. Справа-слева-справа. И снова, сильно и низко – центр. Справа-слева-справа. Справа-слева легко.* Вытащила яблоко, отложила на стол. А теперь то же самое, но быстрее.

Ритм увлекает за собой, держит, заполняет собою всё. И не остается места дурным мыслям. На какое-то время значение имеет только одно – держать ритм. Пока ты играешь на барабане, в жизни всё четко и правильно. *Центр. Справа-слева-справа. Справа-слева легко. И снова сильно – центр.*

¹ Дарбука – восточный барабан в форме кубка.

В окнах горел свет. А это значило одно из двух. Нет, если быть реалистом, это значило одно: Яночка еще не ушла. Ну не торчат же ему до позднего вечера на улице? Кофе с яблочным штруделем он уже испил. Хотелось домой. Чёрт возьми, это его дом!

Яночка скорбно сидела на чемодане. В прихожей стояла еще пара объёмных пакетов.

– Я вызвала такси, – подбородок вздёрнут. – Ты же меня не повезёшь?

– Я помогу отнести тебе вещи, – демонстративно бодро ответил Макс.

Тут очень удачно тренькнул ее телефон, оповещая о прибытии такси. В лифте спускались молча. Заговорила Яночка только возле машины.

– Что, ничего не скажешь на прощание?

– Ключи отдай, пожалуйста.

– Это всё? – Она с размаху шлёпнула связкой ключей о его ладонь.

– Желаю счастья в личной жизни, – все тем же демонстративно бодрым тоном отрапортовал Макс, убирая ключи в карман куртки. – И сбычи мечт.

– Скотина!

Эта фраза ответа не требовала, и поэтому Макс просто улыбнулся – как мог широко и жизнерадостно. Как тебе будет угодно, дорогая Яночка. Только свали из моей жизни.

Объект третий: инженерный замок

– *Наши телефон 223 322 223 322.*

– Хочешь, порадую? – Константин отвратительно деловит.

– Попробуй, – кисло усмехнулся Макс.

Отчего-то вся эта история с Яной, их расставание, дурно сказались на его настроении. Нет, он не жалел о сделанном. Но отсутствие утром горячего завтрака и минета оказалось вдруг не самой лучшей переменной в жизни. Все-таки в совместном проживании с Яночкой были свои плюсы. Вкусная еда и регулярный секс, причём и то, и другое объективно весьма разнообразно. А теперь надо вспоминать кулинарные азы. А заодно навыки съёма девиц в клубах и барах. Как-то быстро он расслабился и потерял форму – всего каких-то полгода совместного проживания с постоянной девушкой.

– Мне кажется, я случайно нашёл идеальный вариант для тебя.

– Излагай.

– Излагаю.

– Кирочка, я сделал за тебя твою работу! – Влад сладко улыбнулся.

– Похвально, Владислав Юрьевич. Выпишите себе пре-

мию.

Улыбка сползла с лица директора «Артемиды». Поджал губы, но игривый тон отставил, продолжил сухо и деловито.

– Я нашёл перспективного покупателя на пентхаус в «Суоменлахти».

– Отлично.

– Он ждёт тебя в четыре на месте.

Кира метнула взгляда на часы на стене директорского кабинета.

– Это через полчаса!

– Тогда почему ты ещё здесь?

Кира опаздывала уже на двенадцать минут. Всю дорогу проклинала Влада, пролетала перекрёстки на жёлтый, грубо подрезала и показывала средний палец в окно. Терпеть не могла опаздывать на встречи с клиентами и потом извиняться. Она вообще привыкла всё делать качественно.

Не исключено, что покупатель вообще уже уехал. А у нее не хватило ума... точнее, просто не успела – взять у Влада телефон покупателя. Однако стоящая на парковке перед домом одинокая мужская фигура, с засунутыми в карманы короткого пальто руками, уверила в обратном. Скорее всего, он. Значит, дождался. Придётся извиняться за опоздание. Пятнадцать минут – никуда не годится.

На стоянку Кира влетела с визгом шин – надо же продемонстрировать, как она торопилась на встречу. Мужчи-

на обернулся на звук подъехавшего автомобиля, проводил взглядом, пока Кира парковалась. И, когда она вышла из машины, он уже был рядом.

Вот это сюрприз.

Темно-серое короткое пальто, почти в тон – костюм. Рубашка голубая, не розовая. На ногах вместо кед – приличные черные туфли, которые выглядят так, будто их владелец по земле не ходит, а парит, не касаясь грязного мокрого асфальта с фракциями недавно завершённой стройки. Волосы аккуратно причёсаны, а не встрёпаны ветром, как в их предыдущую встречу. В свете тусклого дня на носу и скулах у него едва, но всё же заметны несколько бледных веснушек. А глаза зелёные, как она и запомнила.

– Здорово, Малыш.

– Привет, Карлсон.

На этом диалог застопорился. Они стояли и рассматривали друг друга. Кира некстати подумала о том, что на голове у нее, наверное, воронье гнездо – спасибо Владу, времени на «посмотреть в зеркало» у нее не было, разве что в зеркала заднего вида, но не для того, чтобы поправить причёску или макияж.

– Не ожидал, – нарушил молчание Макс, качнув головой. – Отчего же вы денег не дождались, Кира Артуровна?

– Отпущенные вам два с половиной часа истекали, Максимилиан Валерианович. Я беспокоилась за вашу безопасность. Раиса Андреевна такими вещами, как автоматчики в

бронежилетах, не шутит. Вынуждена была торопиться.

– Польщён.

Снова повисла пауза – неловкая.

– Ну что, пойдём смотреть квартиру?

– Пойдём.

На ней брючный костюм, вполне строгий, под ним бадлон, пальто до колен с поясом в талию, папка с документами в руках. Такая типичная дама-риелтор, только причёска слегка растрёпана, а глаза тревожные. Но Макс почему-то всё равно видит девицу в несуразной шапке, синих джинсах и черном пуховом жилете на клетчатую рубашку. Словно два разных человека. И в то же время – один.

– Лифт работает, – хмыкнула Кира, вдавливая кнопку. – Ты везучий.

– Неужели бы пошла пешком? На двадцать четвёртый этаж?

– Мне не привыкать, – пожали плечами Кира. – Прошу.

Двери лифта разъехались.

– Только после вас.

Ей хватило пяти минут, чтобы понять – он ее не слушает. Нет, хуже. Он сам может ей всё рассказать про эту квартиру. Вот еще только немного побродит из угла в угол, безошибочно находя все косяки жилплощади, о которых она так старательно умалчивала при показах, фокусируя внимание на достоинствах квартиры – реальных и мнимых. А господин

Мáлыш, словно рентген – точно увидел все проколы архитекторов и строителей.

– Козиков обнаглел, – Макс подошёл к стоящей у панорамного окна Кире. – Вот за ЭТО он просит ТАКУЮ цену?

– А что тебя не устраивает? – Надо же что-то было сказать в ответ.

Макс посмотрел на нее задумчиво, потом усмехнулся.

– Что не устраивает? По пунктам... – Поднял левую руку, загнул большой палец. – Во-первых...

На «в-третьих» Кира скисла окончательно, а на «в-седьмых» поняла, что не всё знает о жилплощади, которую продаёт уже год. Чёртов архитектор! Офигенно перспективный клиент, блин.

– Всё, достаточно. – На «в-десятих» Кире надоело. – Убедил.

– В чем?

– Во всем, – вздохнула Кира.

– То есть ты признаешь, что цена завышена?

– Вот вопрос цены лучше обсуждать с Владом, – торопливо ответила Кира. – То есть с Владиславом Юрьевичем. Ты же знаком с ним, я правильно поняла?

– Так, пересекались пару раз, кажется. А ты чего напряглась-то, Карлсон?

– Я не напряглась.

– Напряглась, напряглась. Не переживай. Если буду говорить с твоим шефом за цену – ничего ему не скажу.

– Что ты ему не скажешь? – Кира прищурилась.

– Что мы с тобой знакомы были до сегодняшней встречи.

– Тоже мне, криминал.

– И что ты не поливала меня сиропом и не облизывала – лишь бы мне понравилась квартира.

– Она тебе и так понравилась.

Макс широко улыбнулся.

– Верно. Мне цена не нравится.

– Все вопросы к Козикову!

– Я подумаю. И, может быть, даже задам. Слушай... – Макс поправил воротничок рубашки. – А у тебя сегодня еще встречи запланированы? Показы квартир?

– Не-а. Но иногда оно случается внезапно и незапланированно. Даже чаще всего.

– Понимаю. И всё же предложу. Давай поедем, поужинаем где-нибудь?

Темные брови сдвинулись, между ними залегла морщинка.

– Поужинаем? Мы с тобой?

– Угу. Я хотел бы еще кое-что прояснить по поводу квартир.

– Это можно сделать здесь.

– А можно и не здесь. У меня рабочий день закончился. У тебя, условно – тоже. Нам есть что обсудить. А еще я должен тебе денег и хочу угостить тебя ужином. Тебе мало аргументов, Карлсон?

– Эх... – вздохнула Кира. И, неумело подражая голосу Василия Ливанова, добавила: – В вашем доме научишься есть всякую дрянь. Поехали.

Салон собственной машины вернул уверенность, которую ощутимо подкосила личность «перспективного клиента». Бывают же в жизни совпадения. А ведь Кира была уверена, что больше они не увидятся. Именно поэтому и уехала, кстати. Это было какое-то странное предчувствие, сиюминутный порыв – что им не стоит больше видеться. Что вот так исчезнуть из жизни друг друга – это правильно. А оказалось, что нет. Неправильно. Наверное.

Мальш на своём чистеньком «вольво» впереди – такое ощущение, что машина передвигается от автомойки до автомойки – ехал очень аккуратно, дисциплинированно показывая все сигналы поворотов и соблюдая скоростной режим. Она даже не спросила, куда они едут. А если бы знала – сейчас бы обогнала его зализанное, блестящее, бежевое «вольво», обдав грязью, чтоб неповадно было – и умчалась бы вперёд. Хотя, нет. Нельзя так. Это не тот Макс, которого она подобрала на заправке, и над которым могла себе позволить прикалываться в дороге. Потому что моя машина – мои правила. Нет, теперь это «перспективный клиент». А клиент, как известно, всегда прав. И поэтому она едет с ним в ресторан. Именно поэтому он ее туда пригласил, собственно. Чтобы расставить правильные приоритеты в их отношениях

и свести на нет обстоятельства знакомства. Ему непременно нужно показать, что теперь хозяин положения – он. Малышу нужно утвердиться в собственной мужественности – он не подобранный на трассе подкидыш, а вполне успешный мужчина на собственной машине, который ведёт женщину в ресторан. Кто девочку платит, тот ее и танцует. Господи, мужики все одинаковые.

Машина впереди притормозила на светофоре, и Кира из вредности подъехала почти вплотную – бампер в бампер. Сквозь заднее стекло «вольво» было видно, как Макс помахал ей рукой. Еще и улыбается, наверное, самодовольно. Кира показала язык – всё равно он не видит. И прибавила громкости магнитолы.

Малыш привёз ее в «Борисовский». Кира не раз слышала про этот ресторан от Влада – он регулярно там встречался с партнёрами или просто ужинал. Негласное место встреч архитектурно-строительной элиты Питера на набережной Фонтанки, напротив укутанного в зелёных мох реставрационных лесов Михайловского замка. Ну, хоть посмотрит, что это за легендарный «Борисовский», или, как его называли сокращённо – «Бориска».

Час еще довольно ранний – только начало шестого. И посетителей было немного. По тому, как их встретили и проводили, Кира поняла, что Макс тут частый гость. Диалог из серии «Вам как всегда? А что порекомендуете?» А “что-то

там” сегодня исключительное» только подтвердил это. Господин Мálыш изo всех сил распушал хвост. Ну и ладно. Клиент всегда прав.

– Не опасаясь за мой выбор? – Макс отложил меню. – Может, стоило самой?

– Доверяю твоему вкусу. – Пусть получает удовольствие по полной программе.

– Чем успел заслужить такое доверие?

– Ты на заправке выбрал мою машину. По-моему, это говорит о многом.

Макс рассмеялся, одновременно расправляясь с салфеткой.

– Железный аргумент. Спорить не буду. Знаешь... – Он откинулся на спинку стула. – Я бы ни за что не подумал, что ты риелтор.

Кира хотела припомнить ему, что он при первой встрече тоже не походил на успешного архитектора, но вовремя прикусила язык. Клиент. Клиент. Помни, Кира, это клиент.

– Я очень хороший риелтор! И на кого я похожа, если не на риелтора?

– Нет, сейчас-то как раз очень похожа. А вот тогда...

Он демонстративно ее разглядывал, и у Киры появилось безотчётное желание поправить причёску. Ворот бадлона. Или еще что-нибудь.

– Я бы подумал, что ты... автомеханик. Крановщица. Наёмная убийца.

– Не забывай, что из нас двоих маньяк – ты!

Макс снова рассмеялся. У него приятный смех, а еще он постоянно ее подначивает. Специально? Зачем? У них новые роли, и они теперь уже не те люди, что ехали две недели назад в одной машине по Московской трассе.

– Неужели бывают крановщицы? – Кира попыталась вернуть разговор в нейтральное русло, пока официант расставлял на столе тарелки с заказанными салатами. – Я думала, что это чисто мужская профессия.

– Отнюдь, – Мálыш отправил в рот первую порцию травы, по недоразумению называемой салатом, деликатно похрустел. – Большинство работающих на строительных кранах – женщины.

– Почему?

– Причин, я думаю, несколько, – он пожал плечами. – Работа физически не очень тяжёлая. Не слишком высокооплачиваемая. И не забывай о главном биче строек.

– Это о каком?

– Пьянство, – неожиданно серьёзно ответил Макс. – Крановщицы не пьют. Как правило. Поэтому на эту работу женщин с удовольствием берут. Знаешь, есть такой анекдот. Крановщица шестого разряда Евдокия Кузнецова забрала ребенка из детского сада, не выходя с рабочего места.

Кира рассмеялась.

– Я смотрю, ты не все анекдоты мне рассказал в прошлый раз.

– Не успел. Ты слишком быстро ехала.

Может, он хотел ее упрекнуть. Но Кира это восприняла как комплимент.

– Не думала, что архитекторы настолько в курсе того, что творится на стройках, – Кира повозила вилкой по тарелке.

Есть траву с вкраплениями каких-то микроскопических сухариков, редиса и чего-то фиолетового совершенно не хотелось, несмотря на голод. Хотелось мяса. А вот Малыш траву трескал, как заправский пони.

– Странная мысль. Я, между прочим, не просто архитектор. Последние два года отпахал как ГАП², отвечал головой и жо... В общем, всеми частями тела и за всё. Так что на стройках бывали-с. Неоднократно.

– Гап-гап, ура! – Кира отсалютовала бокалом с минеральной водой. – А как называется твоя фирма?

В принципе, об этом можно узнать и от Влада, но надо же о чем-то говорить? А мужчины очень любят разговоры о себе, любимых.

На стол легла темно-синяя визитка с изображением стилизованной крыши. Кира прочитала название и не выдержала – рассмеялась: *«Архитектурно-строительное бюро «Малыш и К» – нарисуем ваши крыши, стены, пол и потолок».*

– Кто такой Малыш – ясно. А кто же этот загадочный «К»?

– «К» – значит «Костя». Константин Драгин, мой партнёр по бизнесу. Бюро принадлежит нам пятьдесят на пятьдесят.

² ГАП – Главный архитектор проекта.

Это он меня, кстати, на Козикова вывел. Он его хорошо знает.

– Угу, – Кира отвлеклась на принесённое горячее. Наконец-то, еда! Куриные рулетики с грибами. – Ты рассказывай, рассказывай. Всё очень интересно. И вкусно. Угу.

– А ты где на риелтора училась?

«Вот зачем ты вопросы задаёшь, а? Рассказывал бы и рассказывал о себе, драгоценном. А я бы поддакивала и ела». Кира дожевала кусочек нереально вкусного рулета – теперь понятно, почему тут Влад часто бывает: кухня просто отличная.

– Специально на риелторов нигде не учат – в вузах точно. Крупные агентства сами персонал обучают. А вообще, это дар божий – впаривать фигню.

Он снова засмеялся. Ну просто Весельчак У!

– А какое у тебя образование?

«И с чего это мы устроили допрос»?

– Сомневаешься в моем профессионализме?

– Нисколько, – Макс аккуратно промокнул губы. – Просто интересно. Технарь? Гуманитарий?

– Три класса церковно-приходской школы.

– Ну, а если серьёзно?

«О, так мы серьёзно? Вот с такой улыбочкой»?

– Кира... Тебе трудно сказать? Что за секретность?

– Вот-вот. Разведшкола ГРУ. Как научили.

Малыш закатил глаза.

– В конце концов, я могу спросить у Козикова.

«И то правда. В личном деле всё указано».

– Обещай, что не будешь смеяться, – отчего-то потребовала Кира.

– Как это не буду? – Макс сложил руки на груди. – Обязательно буду. Но не очень громко – мы все-таки в приличном заведении.

– Нет у меня высшего образования. Среднее специальное, – Кира вздохнула и замолчала.

– Ты меня пугаешь, – Малыш уже откровенно веселился. – Цирковое училище? Кулинарный техникум?

Кира свирепо выдохнула. И прошипела сквозь зубы:

– Техникум библиотечных и информационных технологий. – И после паузы добавила: – Специальность «Библиотечное дело».

Свинский Малыш не засмеялся. Заржал – словно забыл свое обещание про приличное место.

– Библиотекаря! Сюрприз на сюрпризе.

«А у нее на тарелке, между прочим, еще половинка рулета осталась. А ты можешь смеяться сколько угодно. Клиент всегда прав».

Киру спас звонок телефона. Причём не ее – Макса. Вот где, когда надо, эти чёртовы клиенты и прочие демоны, которые имеют обыкновение звонить ей в самые неподходящие моменты? Сейчас как вымерли все. А было бы кстати.

Малыш посмотрел на экран, поморщился и сбросил зво-

нок. Впрочем, трель тут же повторилась. Макс сбросил его и во второй раз. После третьего ругнулся вполголоса.

– Да возьми ты трубку, – от всей души посоветовала Кира.

Короткое резкое даже не «да?», а раздражённое «ну?!» – удивило. Это с кем это весь из себя такой благовоспитанный архитектор разговаривает?

– Нет, не дома. Буду поздно. Дела у меня, дела! Слушай! – Он недовольно взъерошил волосы. – Ты за три раза не могла забрать все вещи? Хорошо, – вздохнул. – Я понял. После девяти буду дома. Если тебе не поздно – приезжай.

Телефон он на стол бросил нервно – не сдержался.

– Если у тебя дела... – начала Кира проникновенно. – Я все понимаю.

– Ничего важного, – буркнул Макс.

Но разговор как-то расклеился. Они обсудили еще несколько технических моментов по квартире и распрощались, по-деловому пожав друг другу руки. А потом каждый сел в свою машину и поехал своей дорогой.

Яночка явилась в пять минут десятого – трогательная пунктуальность. Словно ждала под дверью. Макс приглашающе махнул в сторону спальни. Что там она еще забыла забрать? Какие-то рамки с фотографиями? «Счастливый» лифчик? Ему плевать. Быстрее бы.

– Чаем угостишь? – Яночка показалась в дверях кухни, где Макс устроился с планшетом.

Мелочность – это некрасиво.

– Тебе какой? – Макс вздохнул. – Черный, зелёный?

– Ты успел забыть, что я люблю зелёный с жасмином? Наверное, выкинул уже?

Самое благоразумное – промолчать. Ну так нет же!

– Отчего же? – Чайник недавно кипел, Макс залил горячей водой пакетик в кружке. – Я не терял надежды, что ты заглянешь как-нибудь. На чашку чаю.

– Где ты был?

Он устал. Умнее всего – молчать или отделиваться нейтральными репликами. И еще многозначительно поглядывать на часы. Но благоразумие куда-то делось.

– Ужинал.

– Где?

– В «Бориске».

– Один?

Ответы и вопросы следовали быстро. Не к добру. Ох, не к добру. Благоразумие сделало ручкой окончательно.

– Ее зовут Кира.

– Быстро же ты... – медленно протянула Яночка.

Чай так и оставался нетронутым. Максу вдруг весь этот спектакль опротивел резко. Поднялся с места.

– Слушай, Ян, поздно уже. Я устал жутко, день суматошный. А Кира – это риелтор, и у нас был деловой ужин.

Дальнейшее его не удивило. Ни то, что Яночка подошла, ни то, что обняла и прижалась. Ни ее поцелуй в шею, ни рука

в волосах. Удивила собственная реакция. Точнее, эрекция. Ударило в паху, в застёжку узких джинсов, сильно и даже болезненно. Зашибись. Всего две недели без секса – и он готов послать к черту все свои решения относительно места Яночки в его жизни и спустить в унитаз все достигнутые успехи по изгнанию скорбного призрака отвергнутой девы из собственной квартиры. А она ведь точно знает – как ему нравится. И, судя по довольному вздоху – почувствовала. Не успел перехватить ее руку – и всё стало еще хуже. Или лучше? Сейчас завалиться с ней в постель – отличное средство сбросить нервное напряжение этого дня. Позволить себе. Хочется же. И ей позволить... продолжить делать вот так...

Резко отшагнул назад.

– На каком языке тебе сказать «нет», чтобы ты поняла? Нашла, что забыла? Тогда давай прощаться.

Она смотрела на него пристально, исподлобья.

– Знаешь... вот мы столько времени знакомы. А оказывается, я тебя совсем не знаю. Не предполагала, что ты такой жестокий.

– Яна... – Макс не смог сдержать вздоха. – Давай без мелодрам, а? Мы же разошлись. По-хорошему. Всё. Правда – всё.

– По-хорошему? – Тут она всхлипнула. – Это ты называешь «по-хорошему»? Выкинул меня, как вещь! Что я скажу подругам?

Охренительный аргумент. Наверное, по-хорошему дей-

ствительно не получится.

– Скажи спасибо, что я не забрал подаренный тебе айфон. Планшет. Колечко. Серёжки. Что там еще было...

– Ты еще и жадный!

– Был бы жадный – забрал бы, – ровно, на остатках терпения, ответил Макс. – А я тебе прямо говорю: забирай. Всё, что считаешь своим. Только уйди. Пожалуйста.

Спустя минуту входная дверь оглушительно хлопнула. Прекрасно. Просто прекрасно. Со стояком теперь что делать?

– Кира, тебе суп греть?

– Нет, мам, спасибо, я поела.

– Где это ты поела?

– У меня был деловой ужин в ресторане.

– Он симпатичный?

Кира рассмеялась. Такие вопросы – ритуал.

– Очень. Очень симпатичный и уютный ресторан. И кухня отличная. Такие рулеты куриные – пальчики оближешь.

– Как его зовут? – Раису Андреевну не так-то просто сбить со следа – профессионал.

– Бориска.

– Бориска – это Борис?

– Это название ресторана. «Борисовский». А была я там... – И Кира неожиданно решила сказать правду: – С Максимилианом.

На память капитан Биктагирова никогда не жаловалась.

– Значит, вы все-таки обменялись телефонами с тем симпатичным молодым человеком... Он архитектор, кажется?

– Он совершенно точно архитектор. И он покупает у нас квартиру. Наверное. Так что наша встреча носит случайный характер.

– Один раз – случайность, два раза – совпадение, три раза – закономерность, – уверенно ответила Раиса Андреевна. А потом взяла дочь за руку. – Кирюша, что у тебя с маникюром? Нужно срочно исправить. Безобразие!

– Мама!

– И к парикмахеру надо – причёску освежить.

Кира закатила глаза.

– Мама!

– Отставить «мамкать»! Завтра запишу тебя к Настеньке. Весна на дворе, моя девочка должна быть красивой! И, знаешь, я вчера видела такой замечательный сиреневый шарфик...

У товарища капитана не забалуешь. Сказала «сиреневый шарфик», значит, сиреневый шарфик.

Объект четвертый: Петроградка

– Ну, нет, это я не ем – один пирог и восемь свечей. Лучшие так – восемь пирогов и одна свечка!

– Кирочка, как прошёл показ?

– Нормально, – Кира облизала ложечку, которой размешивала кофе. Если начальство хочет ее допрашивать до инъекции кофеина – это проблемы начальства, а не ее.

– Малышу понравилась квартира?

– Да.

– Как думаешь, Кирочка, купит?

– Думаю, нет.

– Почему?!

Такое ощущение, что этот чёртов пентхаус мешает Оксане лично.

– Потому что дорого, – преувеличенно размеренно ответила Кира, параллельно шурша фантиком от конфеты. Да-да, дорогая сестричка. Мне можно, а ты, как обычно, на диете.

– Ты всё ему показала и рассказала, как положено?

– Естественно. Только что стриптиз не станцевала.

– Так надо было станцевать. Может быть, это бы помогло, – фыркнула Оксана. – Хотя... сомневаюсь. Было бы на что смотреть.

– Девочки, а ну прекратите! – поморщился Козиков.

– Если мне повысят процент комиссионных, то хоть стриптиз, хоть цыганочку с выходом. Любой каприз за ваши деньги, – невозмутимо ответила Кира. Период усталости и слабости прошёл, и она снова готова огрызаться и ставить дорогую и любимую Оксаночку на место.

– Неужели она настолько хороша? – Костя крутанул за спинку кресло, разворачивая Макса лицом к себе.

– Она идеальна, – картинно закатил глаза Мálыш. Цокнул языком. – Совершенна. Мечта.

– За чем дело стало? Бери, пока свободна.

– Деньги, – Макс закинул ноги на угол стола. Рабочий день закончился и можно позволить себе потрындеть с Костяном за жизнь. – Всё, как обычно, упирается в деньги.

– Не прикидывайся бедненьким-несчастненьким Буратино, – Костя отодвинул жалюзи и распахнул окно.

В кабинет ворвался шум машин и апрельский вечерний ветер Петроградской стороны.

– Продашь квартиру. Тряхнёшь кубышку. Возьмёшь ипотеку, в конце концов.

– Да это всё как раз понятно, – поморщился Макс. – Но цену твой Козиков заломил совершенно неприличную.

– А что сказала риелторша, которая показывала тебе квартиру?

– Она посылает к Козикову.

– Значит, надо торговаться, – Костя скинул ноги Макса со стола и сам уселся на угол. – Помочь тебе, интеллигенция недобитая?

– Я бы и сам попробовал, – Макс усмехнулся. – Но у тебя получится лучше.

– Конечно! – самодовольно подтвердил Драгин. – Я же мозг. А ты штангенциркуль.

Макс хмыкнул, но спорить не стал.

– А что я с этого буду иметь? – Костя перегнулся, вытянул лист бумаги из пачки и принялся что-то чиркать. Очередной заяц, как пить дать.

– Ну... – Макс прищурил один глаз. – Хочешь, я подарю тебе Яночку?

– На тебе, боже, что нам негоже, – хохотнул Драгин. Развернул лист к другу. – Красиво?

– Пикассо бы удавился с зависти.

– Вот и я так думаю, – удовлетворённо кивнул Костя. – Ладно, завтра наберу Влада и пощупаю его на предмет алчности.

– Кира, я хочу с тобой поговорить.

– Слушаю, – Кира демонстративно не отрывалась от крайне увлекательного экселевского файла с аналитикой по ценам на пентхаусы в новостройках.

– Пойдём на улицу. Покурим. Поговорим.

Оксане все-таки удалось отвлечь Киру от ноутбука.

– Покури-и-ить? – Кира откинулась на спинку стула. – Ты, что ли, тоже будешь?

– Ну да.

Странно было видеть сестру какой-то... неуверенной. Она это скрывала, но Кира видела – слишком хорошо и давно знала Оксану.

– А как же плохой цвет лица, жёлтые зубы и общая неэстетичность курящей женщины?

– Иногда можно.

Кира насторожилась. И забеспокоилась.

– Ксюш, – она назвала сестру как в детстве. – Что-то случилось? С тётей Наташей? С Вадиком? – особо нежной любви ни к манерной тётке, ни к избалованному до безобразия племяннику Кира не испытала, но всё равно это – семья. Родственники. – Что такое?

– Да ничего! – слегка сердито ответила Оксана. – Всё в порядке. Поговорить надо. Ну, пошли?

– Пошли, – со вздохом согласилась Кира.

В компании заместителя директора можно курить и у крыльца – к мусорным бакам ее величество не пойдёт. Кира затанулась и прищурилась на редкого гостя – яркое апрельское солнце. Погода шепчет, однако.

– Ну, говори.

Оксана выдохнула какой-то сладкий фруктовый дым. Персик, что ли? Ароматизированные сигареты вызвали у Кире стойкое состояние когнитивного диссонанса.

– Кир... А что ты думаешь о Владе?

– Я о нем не думаю. Он же не бином Ньютона, чтобы о нем думать. Нормальный начальник. Денег мог бы платить больше, – Кира пожала плечами. Такого предмета разговора она не ожидала.

– Но... Ты же не можешь не замечать... что он к тебе неровно дышит?

И этот объект вызывает у ее самовлюблённой сестрицы такое смущение и неловкость? Кира чуть слышно фыркнула.

– Ну и пусть себе дышит. Я же не могу ему запретить дышать – хоть неровно, хоть ровно.

– А ты сама... как к нему?

– Индифферентно.

– Как?

– Оксан, – Кира почесала рукой без сигареты кончик носа. – Что-то я тебя не пойму. Тебя и твои наводящие вопросы. Влад – мой начальник. У него жена и двое детей. Как я могу к нему относиться?

– То есть как мужчина он тебя не привлекает?

Вот это внезапный вопрос. Кира уставилась на сестру. А ну-ка, откуда и куда ветер дует? Сигарета начал жечь пальцы, и Кира выбросила ее в урну.

– У него сиськи больше, чем у меня. Это весьма униЗИтельно.

– Кира, ты можешь говорить серьёзно?

– Какого чёрта, Оксана? С чего он должен меня привле-

кать как мужчина?

– Ты ему очень нравишься! – Сестра словно защищалась.

– Я и сама это вижу – не слепая. Если ты таким несвойственным тебе деликатным образом пыталась меня предупредить о возможных поползновениях в мой адрес – спасибо, конечно. Но я взрослая девочка, и сама всё прекрасно понимаю. Пока он держится в рамках приличия. Надеюсь, так будет продолжаться и дальше. Всё, вопрос исчерпан?

Оксана отправила свою сигарету вслед за Кириной и кивнула. Но у Киры осталось ощущение, что до сути разговора они так и не добрались.

– Кира, кофе нам принеси.

Вот это новости. А Кира гадала, чего Оксана вертится в «людской» – посреди опенспейса. А оно вон что. Важного клиента встречает самолично Оксана Сергеевна. А теперь, прихватив под локоток высокого темноволосого типа, чем-то отдалённо напоминавшего Буратино, снисходительно бросила фразу про кофе, увлекая типа в сторону кабинета Влада. Кофе, значит? Собственно, для этого есть Лерунчик, но сейчас ее нет, убежала с каким-то поручением – вот как бы не сама ее величество Оксана Сергеевна офис-менеджера и услала. Ну, кофе, так кофе. Смотрите, не подавитесь.

На Кире в кои-то веки юбка. Так, пояс подвернуть, чтобы ноги во всей красе показать. Балетки на ногах – это, конечно, совсем не в тему. А, вон, Леркины туфли под столом. Прав-

да, влезла в них Кира с трудом, но ей же не марафон в них бежать. Пуговицы на блузке – раз, два, три. Нет, три – это уже порнография. Ах, да, и кофе.

Из-за двери кабинета слышался Оксанин смех. Кира стукнула для порядка и без паузы нажала на ручку.

Влад поперхнулся на полуслове. Темноволосый, с притаившейся в углу рта кривой усмешкой, одарил ее восхищённым взглядом. Глаза Оксаны прожигали стену за спиной Кире. А она безмятежно расставила чашки и удалилась – походка свободная, от бедра, пластика пантеры перед прыжком. Лишь бы эта «пантера» не навернулась на десятисантиметровых шпильках. На пороге не выдержала – обернулась. Подмигнула улыбчивому. И, дождавшись, когда тот подмигнёт в ответ, закрыла за собой дверь. Чтобы там, за дверью, не сильно, но чувствительно огреть себя по лбу подносом. Взрослеть пора, Кира Артуровна. Пора взрослеть.

Вернув на место Леркино имущество, Кира почла за лучшее слинять из офиса. Ну, а вдруг ей клиент позвонил? Потому что мало ли как этот товарищ с кривой улыбкой воспримет ее подмигивания. А ну как примет всё за чистую монету? Нет-нет, от греха подальше лучше съездить в пару мест. Всё равно надо.

– Ну что, Максимчик, пощупал я твоего Козикова.

– А? – Макс оторвался от монитора. – Чего?

– Господи, шановный... Ты, когда из своих архитектур-

ных дебрей вылезаешь, я тебя боюсь. Взгляд безумный, волосы торчком. – Костя растянулся на кожаном диване. – Говорю, был в «Артемиде», у Влада Козикова.

– Ну?

– Что ты «нукаешь»? – привычно огрызнулся Драгин. – В общем, Влад спит и видит, как бы продать эту квартиру. Она у него уже больше года продаётся.

– А по цене не скажешь.

– Да он дурака сам сваял – купил задорого. Теперь себе в убыток продавать не хочет.

– Ну да, – хмыкнул Макс. – Пусть лучше деньги заморожены будут в этой квартире. И год, и два. А деньги, – тут Макс поднял палец, – должны работать.

– Боже! – валяющийся на диване Костя прижал лапки к груди. – Что я слышу? Мое облагораживающее влияние наконец-то дает себя знать!

– В сухом остатке что? – Макс проигнорировал кривляния товарища.

– В сухом остатке, – Драгин резко принял вертикальное положение, – мне нужна цена, которую ты готов заплатить за эту квартиру. И я начну планомерную осаду Козикова.

– Хорошо, – кивнул Макс. – Я завтра с Парамоном съезжу еще раз на квартиру. Пусть он своим профессиональным взглядом оценит объем работ по исправлению всех косяков. Пол там жуткий, раствора несколько десятков мешков уйдёт. Да и всё остальное... В общем, Федор мне точную кар-

тину скажет, и я тогда буду готов назвать цену. С учётом того, сколько мне еще придётся вложить в квартиру. Лады?

– Лады. Должен мне будешь.

– Чего изволите? Хочешь, Яночку тебе подарю?

– Я смотрю, ты ее всё забыть никак не можешь, – хохотнул Константин. – Яночка – то, Яночка – сё.

– Вот она бы враз отучила тебя от клетчатых рубашек под костюм!

– Да что б ты понимал! – Костя подошел к зеркалу, поправил воротничок рубашки. – В нашем фирменном одесском стиле! Кроме того, я же не в банк ездил, не в мэрию. К Владу можно хоть в джинсах. Так даже лучше – по-сиротски. Что-бы цену сбить.

– Одессит, ты когда был в последний раз в Одессе? Лет двадцать назад?

– Неважно! Зато папу моего знала все – и Молдаванка, и Пересыпь! И вообще, не переводи разговор! Я тебе говорил о том, что ты мне должен. И ты пойдёшь со мной в пятницу в «Барракуду». Яночку надо изгонять из головы. Клин клином. Тебе требуется радикальный экзорцизм.

– Пошли лучше на хоккей? В субботу «СКА» с «АК Барсом» играют.

– Так! Слушай умного дядю Костю! Дядя Костя лучше знает. В пятницу в клуб, в субботу на хоккей.

– Давай только на хоккей?

– Угу. И в тренажёрку. Руки-то качать надо, чтобы столько

дрочить.

– Чего ты ко мне прицепился?

– А то, свет очей моих Максик, – Костя сел рядом и приобнял друга за плечи. – Что хватит уже киснуть. Знаешь, что? В жизни каждого мужчины встречаются роковые мгновения... – продолжил Драгин проникновенно, отведя руку в сторону: – Когда он беспощадно рвёт со своим прошлым, и в то же время трепещущей рукой сбрасывает таинственный покров будущего...

– Чего?

– Ты сегодня очаровательно тупишь! – Костя слегка хлопнул Макса по затылку и встал. – Это из любимой кинофильмы моей маман. Я, благодаря ей, это кино наизусть выучил. В общем, в пятницу идём в «Барракуду», и это не обсуждается.

– Только если ты не будешь в клетчатой рубашке.

– Вот какой ты занудный, а... – Костя снова залюбовался своим отражением. – Меня девушки любого любят. Твоя риелторша мне сегодня так улыбалась, так улыбалась...

– Чего?

– Ты сегодня еще и поразительно однообразен в репликах. Вряд ли у Козикова в офисе есть две Киры. Значит, это она. Ноги у нее офи-ген-ные.

Звонок телефона.

– Карлсончик, привет.

Она поперхнулась кофе, и свежераспечатанный договор

купли-продажи оказался украшенным креативным скоплением коричневых пятнышек. Вот и предречённый матушкой третий раз.

– И вам... гхм... не кашлять... пан Мálыш.

– Вы как сговорились с Костей, – вздохнул в трубке Макс. – Тот меня тоже вечно «шановным паном» величает.

– Уже заочно симпатизирую господину Драгину.

– Отчего же заочно? – хмыкнул Макс. – У вас, по-моему, симпатия очная и взаимная.

– Не поняла, – Кира потёрла пятно от кофе на рукаве рубашки.

– Константин у вас в «Артемиде» был вчера. Утверждает, что произвел на тебя неизгладимое впечатление.

Она нахмурилась. А потом картинка вдруг сложилась. И у Киры появилось странное ощущение, что она сейчас покраснеет.

– А, так это был тот самый «К», – протянула она как можно небрежнее. – Он не представился. Передавай Константи-ну привет.

– Обойдётся. Слушай, я хочу еще раз посмотреть квартиру.

– Не вопрос. Давай. Когда тебе удобно?

– Сегодня получится?

Кира пошуршала ежедневником.

– Не. Я через час выдвигаюсь в город. И до самого вечера всё плотно. Завтра давай?

– Завтра плотно у меня. Если только с утра.

– Конечно. Давай. В котором часу?

– В девять тебе не рано?

– Нет, отлично. Встречаемся в девять на месте.

– Карлсон, ты подозрительно милый и сговорчивый. В чем причина?

Кира даже по голосу кажется, что он улыбается.

– Карлсон вообще очень милый. – Кира допила остатки кофе. – До завтра?

– До завтра.

– Не забудь передать привет Константину.

Он едва слышно фыркнул перед тем, как нажать на отбой.

Она выехала заранее, чтобы не опоздать. И с утра, пока не начался сумасшедший день успешно продающего риелтора, у нее еще вполне приличный вид – волосы лежат, макияж свежий. Это к концу дня она похожа на пугало огородное. И собственное отражение в зеркале при выходе из квартиры доставило удовольствие. Кира тряхнула головой, поправила сиреневый шарф – он действительно ей шел. К чему бы это проснувшееся стремление к самолюбованию? Да плевать. Весна. Просыпаются все самые страшные звери, включая медведей и женское тщеславие.

Несмотря на то, что она приехала за десять минут до назначенного времени, Макс уже был на месте. И не один.

– Привет, красотуля. Заждались мы тебя уже.

Кира оторопело уставилась на спутника Мálыша. Треники, кожаная куртка, кепка, барсетка. Не хватало только пакета с семечками.

– Максим, кто это?

Кира была настолько ошарашена обликом приехавшего с Максом человека, что позабыла о нормах приличия. Мálыш рядом был серьёзен и благонравен. Лишь в зелёных глазах притаилась усмешка.

– Парамонов я, – слегка обиженно протянул тип в трениках таким тоном, будто это объясняло всё. – Ну чё, мы идем? Валерьяныч, меня там народ ждёт...

– Пойдём, – кивнул Макс. – Кира, это Фёдор Парамонов, бригадир отделочников. Мне нужно, чтобы он квартиру посмотрел.

– Хозяин – барин, – кивнула Кира, доставая ключи. – Пойдёмте.

В пентхаусе Кире стало скучно. Бригадир отделочников, не упуская ноты «ля» и прочих чудных музыкальных созвучий «великого и могучего», объяснял, что нужно сделать. Мálыш включил диктофон на мобильном и задавал наводящие вопросы. В общем, мужчины были заняты делом. Кире хотелось курить, но в квартире этого делать не стоило. Наконец, мальчики наигрались.

– Мы всё, – Макс подошел к Кире. – Спасибо. Можем

ехать.

– На здоровье, – пожала плечами Кира. – Косте не забудь привет передать.

Мальш одарил ее странным взглядом, но ничего не сказал. Зато Парамонов высказался – снова на тему того, что его народ ждёт. Начинался новый трудовой день.

– Ну что, шановный, – Константин ступил в кабинет, как Наполеон. Как полтора Наполеона даже, если говорить о росте. – Я купил тебе квартиру твоей мечты.

– Как? – Макс невольно поднялся с места. – Козиков согласился на мою цену?

– Ага, – Костя убрал плащ в шкаф. – И ты меня завтра будешь холить, лелеять и спаивать в «Барракуде». А я... – мечтательно протянул он, – напыюсь. И усну на танцполе. Как в старые добрые времена.

– Да погоди ты с танцполом! – отмахнулся Макс. – Что там с ценой? И с квартирой?

– Что-что... – Костя стащил с плеч пиджак, кинул на спинку кресла. – Деньгами ты заплатишь столько, сколько назвал. И еще мы сверху доплатим векселями. До козиковской цены. Ну, точнее, не совсем до его – я немного сбил цену, но всё же...

– Смысл? – резко спросил Макс. – Вексель – это те же деньги. Дорого. Я не потяну.

– Да не будем мы оплачивать этот вексель. Влад нам его

потом предъявит в качестве расчёта за проектные работы.

Макс нахмурился. В отличие от Кости, подобные финансовые нюансы не давались ему так легко.

– То есть... Мы будем что-то проектировать для Козикова? Зачем ему это?

– Да он там задумал играть в великого инвестора. Собирается влезть в один проект в качестве соинвестора. Вот его вкладом и будет архитектурно-планировочное решение. От нас. Вот и попроектируем для него.

– Бесплатно, – хмыкнул Макс.

– Не бесплатно. А на благо одного из владельцев бюро «Малыш и К». И во имя его светлого будущего в пентхаусе с видом на Финский залив.

– Слушай. Как-то это... – начал Макс неуверенно.

– Нет, вы посмотрите на него! – Драгин упёр руки в пояс. – У нас три кабинета бездельников-мендисабалей. На несколько миллионов этой вашей техники дорогущей – принтеры цветные, плоттеры-шмоттеры. Техника всё равно куплена, аренда платится, люди работают, зарплату получают. Ну вот и пусть поработают немножко на твоё личное благо! Если это кого и должно волновать, то меня. А я, как видишь, – Костя развёл руками, – не против. Кроме тебя, Мálыш, все не против.

Макс кашлянул.

– Ну, так-то вроде бы... Нормальная схема.

– Конечно, нормальная! Кроме всего прочего мы засве-

тимся лишний раз как проектировщики, – Костя сел на угол стола, отодвинув кипу чертежей. – А нам лишний раз себя показать только на руку, только в плюс. Эх, Максимка... – Костя взял остро отточенный карандаш, и Макс поспешно отодвинул стопку с чертежами подальше от зайцелюбивых лапок Драгина. – Жалко, что у нас не заваялось папы – заместителя мэра. Или мамы – председателя комитета по строительству. Все приходится самим делать, никто нам не помогает по-родственному, блюдечка с голубой каёмочкой не протягивает. Почему мы с тобой такие беспородные, а, шановный?

– Зато мы умные, – Макс, наклонив голову, наблюдал за рождением очередного зайца.

– А если мы такие умные – чего ж мы такие бедные? – Костя любовался делом рук своих. – Ну да ничего, это временно. Так что? – протянул ладонь Макс. – По рукам? Даёшь добро на подготовку сделки?

Колебался Макс недолго. Хлопнул Костю по протянутой руке.

– Добро. Спасибо.

Максу не спалось. Рядом сладко посапывал трофей из «Барракуды». Вероника? Вика? Ника? Чёрт, он вечно путает эти имена! И почему-то это почти беззвучное и невинное посапывание безумно раздражало. Нет, если быть честным с собой – раздражало инородное тело в собственной посте-

ли. Он быстро вернулся к привычке спать один. Это было классно. Но не выкидывать же девушку посреди ночи, даже пусть и сгладив это фразой: «Я вызову тебе такси». Объективно был хороший секс с симпатичной ухоженной девушкой. Макс получил удовольствие. А Вика... или все-таки Вероника? заслужила, чтобы ее не вытаскивали ночью из квартиры любовника – пусть и, скорее всего, временного, на одну ночь. Хотя она ничего и...

Макс резко сел на кровати. Желание уйти спать на диван в гостиную было нелепым, инфантильным. Но он чувствовал, что не заснет рядом с девушкой. Внутри образовалось какое-то странное чувство... гадливости, что ли. А раньше всё было просто. Встретились в клубе, обмен взглядами, пара коктейлей, пара намёков, «к тебе или ко мне?» Красивое тело, никаких заскоков в койке, отличный, комфортный секс. Чего не так, шановный?

«Сам не знаешь, чего хочешь!» – строго сказал себе Макс. Но спать в гостиную всё равно ушёл. Если эта Вика-Ника проснётся завтра раньше него – объяснит ей, что храпит, как престарелый бульдог, и ушёл в другую комнату, чтобы не мешать ей. Да, он очень милый и заботливый. И с придурыю, но ей он этого не скажет.

Кире приснился Лекс. Сны ей давно не снились. Лекс не снился никогда. И вот вдруг... В ее сне он курил, прищулив глаз, небрежно выдыхал дым. Черная косуха, серая футбол-

ка с куриной лапкой пацифика, голубые джинсы. В пальцах зажата сигарета, на запястье – кожаный напульсник. Лекс выдыхает дым. И вместе с ним – слова, немного нараспев, немного в нос, в своей обычной манере:

– Потаску-у-у-ха... Шала-а-а-ава... Шлю-у-у-уха... Де-шё-о-о-о-вка...

Слова, которые он ей никогда не говорил. Слова, что говорила она себе сама.

Во рту сухо и гадкий привкус – привкус пробуждения посреди ночи после дурного сна. Кира резко спустила ноги с кровати, телефон на тумбочке показывает только начало второго. Глоток воды из-под крана, в прихожей натянула куртку прямо на пижаму, дверь балконную открыла осторожно – чтобы тихо, чтобы не разбудить маму. Зябко поёжилась, закуривая – ночью в апреле на улице стыло.

Она не видела Лёшу... давно. После того и не видела. Это получается... Девять лет. Почти десять. Спустя десять лет Лёшка ей приснился. В гробу она видала такие приветы из прошлого. Зачем? Забыла, затёрла, вымарала те события из жизни. И вроде бы всё хорошо. Всё чисто. Всё пристойно. Ох, Лёха-Лёха, зачем ты мне приснился?

Сон рассеивался, истаивал, как табачный дым перед ее лицом. И лицо Лекса, черты которого уже почти стёрлись из ее памяти, тоже исчезали – сны вообще забываются быстро, если о них не думать, не вспоминать специально. Кира не будет. Но зачем-то вдруг вспомнилось другое лицо – зелёные

глаза, вздёрнутый в усмешке уголок рта.

Кира резко затушила окурок. Холодно. Спать. Всё к черту.

Объект пятый: Фонтанка

– Матильда, осторожно! Собака не стерильна!

– Кира, у нас сегодня ужин в «Борисовском».

– Флаг вам в руки. И приятного аппетита, – Кира отправила в рот остатки булочки. Собственных «булочек» считай, что нет, зато можно настоящие булочки трескать практически безнаказанно. Некоторые вещи в мире устроены очень честно и справедливо.

– Ты тоже идёшь.

Кира изумлённо уставилась на сестру. Скорбь в голосе понятна. Но сам факт...

– С какого перепугу? Чего я там забыла?

– Отмечаем сделку по пентхаусу в «Суоменлахти». Идём мы четверо – Влад, Макс, я и... ты.

На последнем слове Оксана явно поморщилась. Но Кира почему-то отметила другое. Макс. Не Мálыш, не Максимилиан, не Максимилиан Валерианович. А просто – Макс. Вон оно как...

– Я не хочу идти.

– Я тоже не хочу, чтобы ты шла! – вдруг выпалила Оксана. – Это распоряжение Влада. И потом... Все-таки ты к этому имеешь некоторое отношение.

– Ну да. Некоторое. Самое опосредованное, – Кира вдруг

разозлилась. – Это же не я готовила все документы по покупке пентхауса, и продажу квартиры Мálыша на Васильевском вы тоже на меня повесили. Не я моталась по присутственным местам... А-а-а... – махнула рукой. – Во сколько мероприятие?

– В семь.

Отлично. На часах половина четвёртого. У Киры еще три встречи. Едва успеет к семи в ресторан. Заранее ее предупредить – не царское дело.

– Буду к семи в «Бориске», – кивнула коротко.

– Не опаздывай, – Оксана была бы не Оксана, если бы не сказала что-то колкое. Поправила упругий локон. – Я поехала в салон красоты. Надо подготовиться к встрече... с важным клиентом.

«Чтоб у тебя на носу прыщ вскочил от процедур в салоне!» – Мысль была детской, но утешительной. Хотя это маловероятно. Увы, не всё в мире устроено честно и справедливо.

– Ты точно не пойдёшь?

– Чего мне там делать? – Костя снова валялся на своём стратегическом месте: в объятьях кожаного дивана. – Две бабы, два мужика – я там как пятое колесо в телеге.

– Это всего лишь деловой ужин в честь заключения сделки, к которой ты весьма весомо приложил руку.

– И, тем не менее... – Костя зевнул. – И потом... Вчера

Семён Семёныч из рейса вернулся. Как следствие – мне сегодня светит семейный ужин.

– Товарищу старпому привет, – Макс улыбнулся. – От тебя привет передать кому-нибудь? Например, Оксане Сергеевне? – предельно невинным тоном спросил он.

– Свят-свят-свят! Никаких приветов Камышиной! С такими надо аккуратно. А то сегодня ты ей привет, а она тебя завтра в загс. И ты будь аккуратнее.

– Не учи батю детей делать. У меня с некоторого времени на дам с матримониальными планами обострённое чутье.

– Вот и умница. Вот и хороший мальчик. Кире Артуровне пальчики от меня нежно поцелуй.

– Сам целуй! – Макс не хотел, но почему-то это прозвучало резко.

– Так и сделаю, – самодовольно ответил Драгин. – Но в другой, более интимной обстановке. Тет-а-тет. Приглашу Кирюшу в какое-нибудь душевное место, а не в «Бориску», где каждая рожа – знакомая. А чтобы свечи, аромат, полумрак и мы вдвоём...

– Ты ее в ваш гараж собрался приглашать?

– Чего? – Константин изволил сесть.

– Свечи зажигания замочены в ароматном уксусе, полумрак, потому что свету – одна пыльная лампочка. И только вы вдвоём. А еще полуразобранный «волгарь» Семён Константиныча.

– Ностальгируешь по нашим пати в гараже? – расхохотал-

ся Костя. – Можем легко повторить. «Волгарь» всё в том же состоянии.

– Можно будет попробовать, – туманно ответил Макс. – А что до Киры Артуровны... – неожиданно вернулся он к оставленной теме. – Не советую.

– Это почему же? – Костя изобразил трагическое недоумение.

– Потому что не даст. Сразу. А тебе, скорее всего, вообще не даст.

– Тю! Да быть такого не может, чтобы прямо вот «вообще». Но... – с неожиданным смирением добавил он, – попахать ради этого придётся преизрядно. Поэтому ограничимся поцелуем пальчиков. Нежным, ты понял, шановный?

– Как не понять? Понял. Нежно поцеловать пальчики Оксане Сергеевне. От твоего имени.

– Убью, студент!

Как и следовало ожидать, она опоздала. На десять минут. Нет, могла бы прибыть вовремя. Но эти десять минут Кира потратила на то, чтобы минимально привести себя в порядок. Поправить причёску, припудрить нос, стереть остатки помады с губ и теней с век. Бледная, конечно, и вид задёрнутый, но хоть явных косяков нет – и то ладно. Кира вздохнула и открыла дверцу машины. Два часа на всё про всё – так она для себя решила. Включаем обратный отсчёт.

Кира мрачно отпила томатный сок, кисло улыбнулась распинающемуся о новом проекте Владу и посмотрела на часы. Двадцать минут. Как же долго тянется время.

А напротив, с другой стороны стола, на полную катушку разворачивалось шоу. Шла осада польской крепости. Даже прямо-таки взятие русскими войсками Перемышля. Ее величество ступило на тропу войны. У пана Мάлыша нет шансов. Ни одного.

Кира рассеяннo слушала Влада, периодически кивая. Иногда сквозь самодовольный монолог Козикова доносились реплики Макса. Оксана блистала улыбками, причёской и декольте. И, не прекращая, засыпала Мάлыша вопросами. Макс был ответно улыбчив, любезен и словоохотлив.

Надо же, папа у нас – бывший атташе по культуре посольства Польши в России. И сейчас живёт в Варшаве. Как бы у Оксаночки не случился публичный оргазм – родственники за границей! Это же ее давняя мечта – уехать из страны. Польша – это, конечно, не слишком дальняя заграница, но все-таки Евросоюз, все дела. Кира прямо-таки увидела, как акции пана Мάлыша, и без того неплохие, резко пошли вверх. Держись, шановный. А я пойду перекурю – посмотреть тошно на это всё.

В «Бориске» не было зон для курящих. Тут не курили. Хозяину ресторана, в лихие девяностые годы известному как Яшка Космонавт, а ныне Якову Самуиловичу Либерману, было совершенно плевать на удобство клиентов и нюансы

ресторанного маркетинга. Хочешь курить – вали на улицу. Там был оборудован специальный портик для курильщиков. Туда Кира и отправилась.

Инженерный замок в начавших сгущаться сумерках выглядел особенно мрачно. Реставрационные леса скрывали красноватые стены, но от этого Михайловский не выглядел милее. Кира отвернулась.

– Скучаете?

Киру обдало запахом вина. Компанию Кире составил подвыпивший субъект. Курил и совершенно беззастенчиво лапал ее. Пока только взглядом. Откуда в этом городе столько извращенцев? Зачем вам измученная сумасшедшим днём женщина-риелтор почти без макияжа, у которой только одно желание: вывалить тарелку с салатом на колени любимой сестре?

– Такая красивая девушка не должна скучать! – продолжил сыпать «оригинальностями» любитель вина. – Давайте я помогу вам развлечься.

– Спасибо, – Кира выбросила окурок в урну. – Я лучше пойду еще в туалете поскучаю.

В дамской комнате на Киру из зеркала смотрело настоящее привидение банши. Бледная, волосы объявили бунт и торчат как палки. А глаза вообще с дурнинкой – допекла-таки любезная Оксаночка, допекла. В отличие от нее Оксана была сегодня при полном параде – волосы идеально лежат,

романтическая блузка нужной степени прозрачности в нужной степени облегает аппетитные формы, прямая юбка подчёркивает узкую талию и крутые бедра. У Оксаны масса достоинств, и она знает, как их подать. Тем более, и время, и возможность у нее были – в отличие от Киры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.